

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

Едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ: а яже на небесахъ, кто изслѣди?
(Прем. Сол. гл. 9 ст. 16).

Что для земли солнце, то для человѣческаго рода религія откровенная. Безъ солнца не было-бы на землѣ ни свѣта, ни теплоты плодотворной: безъ откровенной религіи не было-бы въ родѣ человѣческомъ ни истины, ни добра, — не было-бы и истинно-правственной жизни. Въ необходимости сверхъестественной религіи глубоко были убѣждены само язычники. Исторія свидѣтельствуетъ, что ни одинъ почти народъ не довольствовался обыкновеннымъ, естественнымъ познаніемъ о Богѣ; но, или ожидалъ съ неба сверхъестественнаго откровенія⁽¹⁾, или уже исповѣдуемую имъ религію принималъ и выдавалъ за божественную⁽²⁾. Можно-ли, послѣ сего, было ожидать, что увѣренность въ настоятельной необходимости для человѣчества откровенной религіи найдетъ себѣ противниковъ въ мірѣ христіанскомъ, въ мірѣ, столь облагороженномъ ею и возвышенномъ? Опытъ, однакоже, вполне подтверждаетъ эту не радостную для насъ истину: приложенное къ исторіи религіи понятіе новѣйшей философіи *о прогрессѣ*, или о постепенномъ и постоянномъ движеніи рода человѣческаго отъ несовершенства къ совершенству, привело нѣкоторыхъ *враговъ креста Христова* (Фил. 3, 48) къ мысли о постепенномъ естественномъ развитіи и усовершенствованіи религіи, — и они, отвергая Божественное

(1) Египтяне ожидали Емефа гермесова, предопредѣленнаго Богомъ — быть главою духовъ, и надѣялись, что Оръ, сынъ озирисовъ, истребитъ Тифона. (См. у Идынихъ о мѣсахъ египетскихъ и Плутарха объ Изидѣ и Озирисѣ). Греки, по-крайней-мѣрѣ, мудрейшіе изъ нихъ, ожидали такого существа, которое оставитъ Олимпъ и явится, чтобы научить людей жить съ Богомъ (Vid. Apolog. Socrat. et colloq. Platon. Epimenid. Alcibiades). Китайцы героя Кіугэ почитаютъ предопредѣленнымъ для возстановленія міра въ первоначное его состояніе. (См. разгрн. Рамзая о мѣсахъ).

(2) Римляне свои обряды производили отъ низшаго Эгерія. Индійцы свои Веда признають за откровеніе — Брами; Персы вѣрили, что Зороастръ Зенд-авесту получилъ въ рай отъ Бога (Viest — in Demonstrat. Evang. 5. 221 л.). Последователи Магомета почитаютъ Алкоранъ — откровеніемъ Божественнымъ. (Vid. Jntit. Theolog. Lieberm. Tom. 1 pag. 424).

откровение и признавал христианскую религію только за выраженіе идей естественной религіи, полагають, что для человека достаточно одной этой религіи, чтобы благоугодить Господу⁽¹⁾ и, такимъ образомъ, достигнуть своего высокаго папаченія.

Нѣтъ нужды говорить, до какой степени по основательно и богопротивно такое мнѣніе. При добросовѣстномъ изслѣдованіи 1) такъ называемой народной религіи образованнѣйшихъ государствъ древняго міра и 2) ученія философовъ, касательно предметовъ вѣры и нравственности, особенно-же 3) при взглядѣ на состояніе природы человека, сама собою отрывается несостоятельность естественной религіи безъ религіи откровенной въ дѣлѣ нашего спасенія.

1) Неоспоримо, что существенный предметъ религіи есть Богъ, а цѣль ея ближайшая—примиреніе и соединеніе человека съ Богомъ. Чѣмъ возвышеннѣе предметъ и чѣмъ важнѣе цѣль религіи, тѣмъ надежнѣе должны быть и средства, руководяція къ предполагаемой ою цѣли. Безъ этого религія осталась-бы только религіею по имени, и потеряла-бы свое высокое значеніе. Но не такъ-ли и была дѣйствительно народная религія язычниковъ?

Исторія человеческого рода свидѣтельствуетъ, что, со времени образованія государствъ, *Богъ единый* былъ только *во Иудеи* (Пс. 71, 1) и что только народъ Божій приносилъ Ему жертвы пріятыя, какъ преобразованіи собою агнца, закланнаго отъ сложенія міра (Апок. 13, 8). Что-же касается до прочихъ народовъ языческаго міра, то все они, оставшіеся подъ руководствомъ одной естественной религіи, уклонялись, мало-по-малу, отъ единобожія, бывшаго общимъ достоинствомъ, первоначально, всего человечества, (Исх. 20; 2, 3. Второзак. 4; 35, 32, 37—39. Исaih 37; 10, 11, 16, 19, 43, 10, 44, 6, 7, 12—20. Иерем. 2, 27. Дѣян. 14, 11—18) въ многобожіе⁽²⁾, (Пс. 44, 12—20. Іор. 2, 27, 10; 6—10. Дѣян. 14, 1—18), и, имѣя самыя неясныя понятія о Богѣ⁽³⁾,

(1) Не говоря о Гербертъ и Замлеръ, отвергнувшихъ необходимость искупленія (См. Ист. Иннок. стр. 838, изд. 1829 г.), новѣйшіе послѣдователи ихъ простерли свою дерзость еще далѣе: Вейтшайдеръ, коего догматика пользуется классическимъ достоинствомъ у рационалистовъ, утверждаетъ, что сверхъестественное откровеніе вовсе не необходимо, даже невозможно. (Vid. Perron. Praelectiones Theolog. Tom. 1 pag. 236).'

(2) Геродот. кн. 1. 134, 144. Цицер. de natura deor. 1. 42; de legibus 11. 8. Августинъ Lib. IV. de civitate Dei c. 8.

(3) Такъ Крезъ, царь лидійскій, послалъ нѣсколько лидійцевъ въ Дельфы спросить у прорицателя: не стыдно-ли богу, что онъ отъѣздами побудилъ его Крезу—на войну противъ персовъ?

почтоша и послужиха твари паче Творца (Рим. 1, 25; Іер. 2, 27. Псал. 113, 12—15). Прилагая-же, по словамъ св. Златоуста, понятіе о Богѣ къ древамъ и камнямъ⁽¹⁾, естественно не могли и благоугождать предъ Богомъ, ни своими жертвами и обрядами, ни нравственною жизнію; между тѣмъ какъ все это необходимо для спасенія. Такъ персіянинъ обожалъ солнце, сіявшее надъ его головою, и огонь; халдеи поручалъ судьбу свою блиставшей надъ нимъ звѣздѣ; Египтянинъ въ пышномъ храмѣ поклонялся— или кошке, или апису⁽²⁾. Цицеронъ, обстоятельно изслѣдовавъ религіи древнихъ народовъ, говоритъ, что они признавали за боговъ даже вредныя и постыдныя вещи, воздвигая имъ канища⁽³⁾, что кромѣ добродѣтели, у нихъ имѣли алтари: лихорадка, фортуна, страхъ и самое безстыдство⁽⁴⁾.

И по одиѣ только, такъ называемые, варварскіе народы унизили себя, столь грубыми понятіями о Богѣ. Кому неизвѣстно, что греки и римляне стояли на высшей степенѣ образованія? Но что-же? Оставивъ примѣрные образцы по многимъ отраслямъ науки и искусства, они, въ то же время, оставили намъ, какъ-бы въ непрерывнаемое доказательство безсилія разума въ дѣлѣ религіи,—и памятники самыхъ пелѣпыхъ своихъ вѣрованій. При изслѣдованіи этихъ памятниковъ, едва можно вѣрить, чтобы эти эстетическіе греки были такъ неразборчивы въ своихъ понятіяхъ о Богѣ,—чтобы римляне, отличавшіеся во всѣхъ другихъ дѣлахъ умомъ практическимъ, въ одномъ толь-

Сверхъ того, поручилъ намъ спросить: есть-ли законъ, позволяющій эллинскимъ богамъ быть не благодарными? См. Иск. Геродот. Т. 1 стр. 153, изд. 1826 г. въ Сиб.). Обращаясь къ египтянамъ, говоритъ Тертуліанъ въ 1-й ч. Аполог. на стр. 86, изъ которыхъ вы почерпнете уроки мудрости и добраго поведенія, съвинили нахожу я въ нихъ пелѣпости. Ваши боги, заступалъ то за грековъ, то за тронъ, сражающіеся между собою и выходятъ на поединокъ, какъ гладиаторы и проч. У Макганціи (въ XX гл. 1 кн. на стр. 80, пер. Карп. 1848 г.) читаемъ: когда Турклянній посвятилъ каинтошій владыкѣ боговъ, то, видя, что тамъ многіе небольшіе боги имѣли свои канища, онъ велѣлъ авгурамъ учтиво спросить ихъ: не согласятся-ли они удалиться и уступить мѣсто свое верховному своему владыкѣ. Они не заставили повторить себѣ предложенія и охотно уступили жилище свое богу, далеко ихъ превъвышавшему. (Conf. Quint. Curt. lib. IV. c. 10, 21—28).

(1) См. толков. на 1-ю гл. къ Римляи.

(2) По замѣч. Геродот. Hist. liber. 1; Conf. jos. Glav. contra Appionem. 1. 1, c. 9, p. 3.

(3) Lib. 11, de nat. deorum.

(4) Lib. 1, c. 1) de legibus. Conf. Dionys Halicarn. 1. 1; S. Avgustin. стр. 91.

до дѣлъ религіи упизяли себя до такой грубости, что *измѣнили славу неслѣпнаго Бога въ подобіе образи тѣлннхъ чловѣка и птицѣ, и четвероногѣ и гадѣ* (Рим. 1; 22; 23).

Правда, въ стихахъ орфическихъ и въ твореніяхъ другихъ поэтовъ греческихъ, особенно трагиковъ, мы находимъ иногда довольно высокія понятія о Богѣ⁽¹⁾; но то были вдохновенія личныя, основаніемъ для которыхъ, конечно, служили мистери, сохранившія часть истиннаго преданія⁽²⁾.

Но ивъя, однакожь, ни надлежащей полноты, ни связи, они прелетали падъ-толною неслышанная. Между тѣмъ простой народъ безусловно преданъ былъ религіозной системѣ многобожій. Внѣстателнаѣ Олимпъ—жилицо боговъ, черты конхъ облагорожены были художественною кнестью Апеллеса и рѣвдомъ гоціалпаго Фидія, и другіа остроумнае вымыслы роскошнаго воображенія поэтовъ: вотъ что сдѣлалось предметомъ народнаго обожанія! Прибавля къ особеннѣмъ Гомера и Гезіода⁽³⁾ мноическіа сказанія о жизни древннхъ геросѣхъ Греціа, наприа. Теркутеса, Озеа и др., народъ свелъ владоп-малу боговъ съ Олимпа и сблизилъ съ собою до того, что едва по каждый влѣлъ своего божка, котораго благодарилъ, бранилъ, наказывалъ⁽⁴⁾. И

(1) Зевесъ, наприа, изображается въ нихъ совершенно отличнае отъ Зевеса народноѣмъ обожденія; онъ называется сдѣннѣмъ, первоначальннѣмъ, аждоуащннѣмъ, вниолннкѣмъ, всего, единомъ снлю и божествомъ, отъ котораго произошелъ мнръ и всѣ бога. (Cœsneri orphica 1805. p. 365). Также у Евсеіа (Praef. Evang. III. 9). Софоклу приписываетъ Калмента александрійскіа сдѣ. слова: „одннѣ по неспнѣмъ сдѣннѣ сѣмъ Богъ, создавшій небо и землѣ, бездну поаа и снлу вѣтровъ“. (C. Strom. v. p. 79), ed. Klotz. 1832 r.).

(2) Какой поэтъ, какой софистъ не черпалъ, по словамъ Тертуліана, чего либо изъ пророковъ? Изъ снхъ священннхъ песннчнсковъ и философа выталнсь утоащѣ овою жакладу. По-сому-то многіа и сравниваютъ ихъ съ хрнстнанаа. Посему-то, вѣроятно, нѣкоторна госудаствѣмъ и взгоннл ихъ отъ себя, какъ-то: Фнвн, Снарта и Аргосъ. (Conf. dessertat. Mosheimi de studio Ethnicorum Christianos imitandi).

(3) Составнтелнаѣ бедноннѣ и вообще ученія о происхожденнѣ вѣровъ, нхъ числѣ и разлнчннхъ нѣдахъ—Геродотъ признаетъ Гомера и Гезіода, знанннхъ за-сто лѣтъ до его врсеннн. (Herod. 11. Euterp. 53).

(4) Такъ Александръ, въ печалн сдѣей о потерѣ друга, повелѣлъ сжечь храмъ Декулата за то, что этотъ мнпный богъ не умѣлъ возрнатнѣ здороннѣ его другу. Было древнее постаноненне, говорнлъ въ своѣ врелн Тертуліанъ, обращаясь къ лнчннкамъ, воспрещашее пнтераторамъ прннмать какиа-нбо боговъ безъ одобренія сената... Съ домашннми богами, которне именуются ларами, мы поступаемъ прнмо по домашнему: мы ихъ продаемъ, закладываемъ... Общественнхъ боговъ мы безчестнмъ по праву общественному. (См. Апол. Терт. на стр. 14 и 34, въ пер. Кари.)

что это за богъ, призываемые народною религією?—Походливый Зевесъ, кровожадный Арей, распутный Вахусъ, вороватый Меркурій и развратная Вестера!

Напрасно Имвлихъ и Порфирій, въ намѣреніи; конечно, придать болѣе значенія языческой религіи и поколебать христіанство, старались съ вѣтши послѣдними мѣрами соединить смыслъ таинственный⁽¹⁾: если когда, то при этомъ случаѣ особенно *неправда*, какъ нельзя хуже, *согла себѣ* (Пс. 26; 12). „Есть и у насъ нѣкоторыя слова прикровенныя, говорить въ облеченіе этого толкованія св. Григорій Богословъ; по какал ихъ двузнаменательность и какал вила? Въ нихъ и видимое не осторбяетъ приличія и сокровенное достойно удивленія, и... подобно прекрасному тѣлу, не худою облакается одеждою... А у насъ (т. е. язычниковъ) и то невѣроятно, что нужно догадываться умомъ, и то пагубно, что предлагается взорамъ. Что это за благоразуміе—вести въ пристань по грязи, или по скаламъ и подводнымъ камнямъ? Какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и цпоказаніями прикрывать свои вымыслы,—но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что видятъ... скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ сочетать и привести въ согласіе ихъ (поэтовъ) вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и того-жъ учителя“⁽²⁾.

Но лучше народная религія была и у римлянъ. Юпитеръ въ капитоліи окруженъ былъ служителями всякаго рода; ликторы стояли вокругъ его трона; докладчики (*nomen—clatores*) возвѣщали ему входящихъ. Другіе торли и умащали его статую, точно также, какъ женщины чесали каменные волосы Минервы, въ то время, когда другіи держали предъ нею зеркало⁽³⁾. Мало того: римляне даже кесарей сажали на роскошный тронъ Юпитера. Не только благотворителямъ, но и извергамъ чловѣчества: Калпулъ, Неіроу и Доминіану были воздвигаемы капища и алтари, курился олимпъ,—и самымъ ихъ изображеніемъ воздавались божескія почести⁽⁴⁾. А это неоспоримо дока-

(1) Jambl. de myster. Aegipt. VIII. Conf. Sistem. Intellect. Cudrort. T. 1. 499, 505; См. также въ 1-й ч. на стр. 43 и 44 (въ перевод. Карповда) Лактанція.

(2) См. въ твор. св. отца, за 1843 г. 1 ч. стр. 172 и 173.

(3) См. Les Cesars par. M. le comte Fr. de Champ. въ пер. г. Башуцкого стр. 7.

(4) Conf. 4. Слова Григорія Богослова въ 1 ч. твор. св. отец. стр. 134 и 135. Тертуліанъ говорить (въ пер. Карп. на стр. 35): „ни по справедливости воздасте умершимъ ва-

зываетъ, что идолъ, по ихъ понятію, былъ по изображенію только божества, но самое божество (1 Кор. 10, 19 и 20).

И по ограниченіямъ служеніемъ богамъ отечественнымъ, Римъ искалъ новыхъ боговъ: онъ созывалъ ихъ со всего свѣта въ свой пантеонъ, какъ-бы на смотръ, и въ каждой добычѣ находилъ новаго бога⁽¹⁾. Мы уже не говоримъ о томъ, что этотъ суевѣрный міръ, нами разсматриваемый, преисполненъ былъ еще пантеонами и безбожниками. Религія язычества, съ ея обрядами и понятіями о духовномъ мірѣ, казалась новымъ собраніемъ смѣшанныхъ предразсудковъ, „достойныхъ, какъ говоритъ Ювеналъ, вѣры однихъ только дѣтей и старыхъ бабъ“. Да и изъ дѣтей, продолжаетъ тотъ-же писатель, никто уже не вѣритъ хароновой лодкѣ и чернымъ жабамъ, обитающимъ въ болотахъ Стикса⁽²⁾. Кесарь въ полномъ собраніи сената, ясно проповѣдывалъ уничтоженію души за гробомъ и Катонъ не отвѣчалъ ему прямо: это несправедливо; а только говорилъ: это выходитъ изъ границъ оффиціального вѣрованія⁽³⁾. Плиній сожалѣетъ о божествѣ, если есть божество, и говоритъ, что служеніе богамъ, брошеною одними, для другихъ сдѣлалось постыдно. Между этими крайностями, человѣчество, говоритъ онъ, создало себѣ средній способъ дѣйствій, создало родъ божества, которое еще болѣе опутываетъ всѣ наши понятія о Богѣ; повсюду, съчастно всѣ голоса призываютъ фортуну⁽⁴⁾.

Признавъ, такимъ образомъ, все за Бога, кромѣ Бога истиннаго, или отвергнувъ боговъ въ пользу фанатизма, греки и римляне весьма ясно доказали, что религія естественная, которою она руководствовались, не можетъ сообщить правльнаго понятія о Богѣ. Следовательно, она недостаточна къ спасенію.

Обряды и средства примиренія съ божествомъ, употреблявшіеся у этихъ народовъ, еще болѣе показываютъ намъ не состоятельность ея въ этомъ отношеніи.

Извѣстно, что всѣ средства къ примиренію съ Божествомъ, — дѣло, къ которому побуждало язычниковъ, если не чувство темнаго преданія, то чувство ниниъ императорамъ тѣ-же божественныя почести, какія воздавали имъ и при жизни ихъ. Богомъ ваянъ должны благодарить всѣхъ и поздравлять самихъ себя, — что сопарицами своими имѣютъ своихъ господъ и влстителей“.

(1) Пруденцій *contra Symmachum* 11, 358.

(2) Ювеналъ сатир. VII.

(3) Саллюстій *in Catilin.* 51. 52.

(4) *Plinius. in natur. histor* 11, 7.

ужаса предъ лицомъ разгнѣваннаго Бога,—всѣ, говорю, средства заключа-лись для нихъ въ однихъ только жертвахъ и вѣщныхъ дѣйствіяхъ, безъ внутренняго расположенія къ Богу. Но напрасно въ кровавыхъ обрядахъ Матры становились суевѣрные подъ жолѣзные рѣшетны, чтобы омыться кро-вию жертвы,—напрасно томились голодомъ, проходили чрезъ огонь⁽¹⁾, напра-сно ожидали рѣшенія судьбы своей отъ жрецовъ, вопрошавшихъ трепещущую внутренность, или гадавшихъ по полету птицъ; напрасно, наконецъ, искали очищенія въ холодныхъ струяхъ рѣчныхъ: подобныя средства не могли об-легчить мучительнаго состоянія тѣхъ, у которыхъ пробуждалось сильное со-знаніе виновности. Указывая на это состояніе язычниковъ, Плутархъ заedy-чаетъ, что они и не въ полномъ умѣ, когда бодрствуютъ, и не свободны отъ безпокойствъ во время сна; ихъ умъ всегда грезитъ; ихъ страхъ всегда бодрствуетъ; нѣтъ для нихъ нигдѣ убѣжища⁽²⁾. А Овидій, осмѣивая спо-собъ очищаться отъ преступленій—омовеніемъ, говорить: „о, безразсудно! неужели можно, какъ вы думаете, смыть рѣчною водою кровавыя пятна убій-ства“!..⁽³⁾

Не возвышеннѣе и, не болѣе достойна была Бога и молитва язычниковъ. Они просили въ молитвѣ своей только чувственнаго и временнаго. „Довольно съ тебя, говоритъ Гораций, если ты просишь въ молитвѣ: дай мнѣ, Юпитеръ, жизнь и богатство, а мудрость и добродѣтель я самъ себя добуду“⁽⁴⁾.

Мы не смѣемъ уже войти съ свѣтилникомъ исторіи въ капища, столь часто обращенныя язычниками въ мѣста распутства. Кто рѣшится рассказы-вать о томъ, что дѣлалось въ храмахъ Юноны, Адониса, Пріапа, Цибели, на праздникахъ Флоры, на которыхъ стыдился присутствовать даже языч-никъ Катонъ⁽⁵⁾. Довольно, затѣмъ, что Флавій, не побоившійся пѣть іудеевъ, съ

(1) См. въ 1-й ч. твор. св. отец. 4 слов. на Юліан. Григор. Богослов. стр. 143.

(2) См. въ 44 ч. Христ. Чт. за 1831 г. стр. 323.

(3) Ouid. Fast. 245.

(4) Lib. 1. Epistol. XVIII. Sed satis est orare Jovem... Det vitam, det opes: aequum mi animum ipse-parabo.

И это еще не постыдливѣйшая изъ молитвъ: вотъ другая у того-же Горация: прекрасная Лявернія, богиня воровъ! Позволь мнѣ обманывать и казаться свитымъ...

(5) Vid. Tract. de veritate religionis Christianae cop. 11. Siche auch, Schwarz. Handbuch 1. Band, s. 36; кромѣ сего см. у Лактанс. въ кн. de falsa religione на стр. 74. „Игры въ честь Флоры, говорятъ послѣдній, празднуются сообразно съ достоинствомъ богини, которой имя они носятъ, и пресмыкаются, такъ сказать,

негодованиемъ; однако-же, говоритъ о мерзостяхъ, совершавшихся въ храмѣ Иуды⁽¹⁾. Умалчиваемъ и о тѣхъ кровавыхъ жертвенныхъ обрядахъ, на которые указываетъ и слово Воліе (Іер. 7, 31, Пс. 105, 36—38) и современники⁽²⁾. И при поверхностномъ взглядѣ на обрядовую сторону языческой религіи, само-собою открывается, что молитвы ихъ и жертвы были мерзость предъ Господомъ и поруганіе святаго Его имени. Надобно, какъ справедливо замѣтилъ Боссеетъ, чтобы была кака я нбудь неприязненная сила, которая, приведши Имя Божіе въ презрѣніе, поощряла людей употреблять Его въ дѣлахъ только презрительныхъ и съ небреженіемъ присвоить вѣнцамъ столь недостойнымъ⁽³⁾.

Само-собою разумѣется, что, при такой религіи, ожидать добрыхъ нравовъ значило-бы тоже, что *искать смоквъ на терновникѣ* (Мук. 6, 44; Гал. 3, 12). И дѣйствительно,--освятивъ все пороки, идолопоклонствующій міръ вель жизнь, говоря словами св. Златоуста, въ полномъ смыслѣ *diavolsкую*⁽⁴⁾. Апостолъ языковъ, столь живо изобразившій, въ 1-й гл. посланія къ римлянамъ, нравственное безобразіе язычества, снлъ черты его съ пачуры.

Благодари христіанской религіи, мы смотримъ на грѣхи содомскіе, какъ на послѣднюю степенъ разврата. И законѣ гражданскіе, и уставы церкви, и общее мнѣніе охраняютъ нашу нравственность отъ этихъ чувственныхъ оргій. Не то было въ мірѣ языческомъ: „въ древности такіи дѣла, говоритъ св. Златоустъ, считались даже законными, и одинъ языческій законодатель, запретивъ слугамъ мужеложство, предоставилъ это преимущество, пли, правильнѣе сказать, это студолѣніе только свободнымъ“. Да, язычникъ, продолжалъ тотъ-же святитель, и не признавали этого срамнымъ⁽⁵⁾. Распутство въ

печногою глаза и уши народа. А у Тертуліана, (на стр. 38) между прочимъ, читаемъ: не знаю, не имѣютъ-ли боги наши причинъ болѣе жаловаться на васъ самихъ, нежели на христіанъ. По-крайней-мѣрѣ все святотатства производится между вами.

(1) Lib. XVIII. о древностихъ.

(2) См. у Лакт. въ 1-й ч. на стр. 81, 82 и 83. Ничего нѣтъ удивительнаго, что варвары имѣютъ религію сообразно съ ихъ нравами, имѣютъ боговъ, подобныя имъ... Съ давняго времени существовалъ въ Италіи обычай приносить въ жертву людей, пока императоръ Адрианъ не прекратилъ его совершенно. Conf. de bello Gallico. Lib. VI. стр. 21. Jul. Caesar. Annales. Taciti. lib. XIV. стр. 3.

(3) См. разгон. о всеобщ. истор. ч. 11. стр. 70. изд. 1762 г.

(4) См. 4 бесѣд. на посл. къ римл. стр. 63. изд. 1839 г.

(5) См. 4 бесѣд. Златоуст. на посл. къ римл. стр. 67. изд. 1839 г. Conf. Aut. Gell. I. XVIII. стр. 2. et I. XIX. стр. 11.

лицъ женщины у пастъ есть плодъ разврата или пищи; а у язычествующихъ народовъ оно было дѣломъ внутренняго порядка, правиломъ домашняго быта. Христіанская религія, указавъ на петищный образъ супружества, какъ неразрывный союзъ во Христѣ (Ефес. 5; 25—29), облагородила и освятила союзъ мужа и жены. Но чувствѣнный грекъ видѣлъ въ лицѣ жены не подругу, а только орудіе своей страсти, почиталъ себя вправѣ отпустить ее подъ самыя ничтожныя предложенія; многоженство было почти во всеобщемъ употребленіи. И у римлянъ жена не могла жаловаться на мужа, если послѣдній нарушалъ супружескую вѣрность⁽¹⁾.

Незавиднѣе была участь и дѣтей. У грековъ и римлянъ подкидываніе и убійство ихъ, въ извѣстномъ случаѣ, дозволялось даже законами⁽²⁾. Римлянинъ, говоритъ Гиббонъ, былъ въ домѣ своего отца только вещью... Власть отца была вооружена правомъ жизни и смерти, и примѣръ кроваваго употребленія этого права, — употребленіе, которое часто одобрялось и никогда не наказывалось, находится въ лѣтописяхъ Рима до времени Августа⁽³⁾. Несмотря на предосторожности Клавдія, многіе, бывъ приведены въ отчаяніе плодородіемъ своихъ женъ, покидали новорожденныхъ, отрезались отъ дѣтей, пришедшихъ въ возрастъ, прерывали съ ними всѣ связи, единственно для того, чтобы имѣть свой дворъ, своихъ льстецовъ, подобно тѣмъ счастливымъ, одръ которыхъ былъ благословенъ безчадіемъ⁽⁴⁾. При такихъ отношеніяхъ мужа къ женѣ, — отца къ дѣтямъ, — могло ли семейство представлять собою общество, соединенное узамъ любви и взаимной довѣренности?..

О положеніи рабовъ тогдашняго времени уже и говорить нечего. Что невольникъ есть такое-же лицо, какъ и свободный гражданинъ, — это не приходило и на умъ языческимъ моралистамъ. „Рабъ отъ домашняго животнаго различается весьма по многимъ, говоритъ одинъ изъ нихъ: оба они служатъ только къ удовлетворенію житейскихъ потребностей владѣльца... Хотя рабъ одаренъ разумомъ, тогда какъ животное водится инстинктомъ, — но, по довольномъ разсужденіи, оказывается, что онъ только чувствуетъ разумъ, а не

(1) См. Христ. Чт. 1840 г. ч. 11. стр. 335; и у Маккаія см. 2 ч. 17 кн. стр. 75 въ пер. Карп.

(2) Cicer. de legib. Lib. III, c. 8; Svet. in vit. Vespas. c. 65; Senec. Lib. 5.

(3) Gesch. d. Verful. d. Romisch. Reich. übersetz. v. Hugo, 179. c. 44. § 87.

(4) Senec. Epist. ad. Martium 19.

нѣтъ его⁽¹⁾. Это была общая мысль грековъ о рабахъ. Аристотель только развивалъ ее. И римляне почти также думали о достоинствѣ невольниковъ⁽²⁾. Участь ихъ у этого народа была самая несчастная⁽³⁾. Жертва бича и темницы—рабъ, при малѣйшемъ изслѣдованіи, предавался господиномъ истязателю, съ предварительнымъ условіемъ заплатить за него, если умреть⁽⁴⁾. Убить его, или вола—было все равно: только заплати хозяину⁽⁵⁾.

Не говоримъ мы и о вакханаліяхъ и сатурналіяхъ, которыя такъ много находили себѣ почитателей у римлянъ, и на которыя, не смотря на крайнюю степень распутства ихъ, стекались люди тысячами, во имя Бога и религіи. Достаточно указать на одно лишь явленіе тогдашняго общества: на ужасныя зрѣлища въ коллизеѣ,—на бой и убой гладіаторовъ, чтобы по одной этой чертѣ общественной жизни видѣть всю глубину расплѣнія тогдашняго человѣчества. Зрѣлища эти поглощали иногда въ одинъ мѣсяць до двадцати тысячъ человѣкъ⁽⁶⁾. Съ злорадствомъ, жадными глазами смотрѣли мужчины и женщины, дѣти и старцы, какъ несчастные гладіаторы боролись съ раздраженными звѣрями, обливались кровію, были терзаемы и раздираемы на части. Если раненый звѣремъ гладіаторъ падалъ, то требовали, чтобы онъ кончилъ борьбу, а когда онъ просилъ пощады, ему отказывали въ томъ громкимъ крикомъ, при чемъ женщины махали платками⁽⁷⁾. Плиній, будто за доблестное дѣло, хвалилъ Траяна за то, что, во время торжества побѣды его надъ Даками, въ теченіе 123 дней было растерзано до десяти тысячъ гладіаторовъ и одиннадцати тысячъ звѣрей⁽⁸⁾.

Такъ бѣдственна и расплѣнна была не озаренная свѣтомъ Богооткровенной религіи жизнь человѣчества!

(Продолженіе будетъ).

(1) Vid. Polit. Aristotel. 1. 4. 5.

(2) Senec. epist. 47.

(3) Nil inquam se domi, nisi nutu significasse, vel si-plura demonstranda essent scripto usum, necvocem consociaret. Такъ Тацитъ заставляетъ говорить отпущенника Палласа. Tacit. Annal. XIII. 23.

(4) Paul, sent. v. tit. XVI. § 3.

(5) Законъ—Аквины. Vid. cap. instit. 2. 213. Кромеъ сего, по свидѣтельству Плутарха, (Plutarch vit. Qu. Flamini Horat. cat. III), ихъ убивали, жгли, расщипали за самыя ничтожныя вины, или мучили по произволу, даже просто для забавы и злобынства; или, какъ свидѣтельствуеъ Плиній (Plin, lib. IX. c. 33), бросали на обычный кормъ звѣрямъ.

(6) Avg, Nicol, Tom. 1. pag. 259.

(7) Juvenal. sat. III.

(8) Panegyр. 33.

НЕКРОЛОГЪ.

О. Матѣей Никифоровичъ Гусаковъ.

Въ декабрѣ 1878 г. скончался настоятель Ветляинской Николаевской церкви, священникъ М. Н. Гусаковъ, 29 лѣтъ отъ роду. Покойный былъ уроженецъ Саратовской губерніи; образованіе получивъ въ саратовской семинаріи, въ которой и окончилъ курсъ во 2-мъ разрядѣ 1874 г. іюня 29 дня. 21 августа былъ опредѣленъ учителемъ въ камышинское дух. училище, Саратовской епархіи, въ подготовительный классъ; учительскую должность проходилъ по 1-е ноября 1875 г. Провѣдавъ около этого времени, что остается праздною священническое мѣсто въ Ветляинской станицѣ, о которой онъ, со словъ своего предшественника по приходу о. Д. Никольскаго (тоже саратовецъ и бывший учитель Камышинскаго дух. училища), перешедшаго въ с. Золотуху, Енот. уѣзда, успѣлъ составить себѣ „дешное и пріятное“ (собственными слова покойнаго) понятіе; онъ лично отправился въ г. Астрахань къ Преосвященному Хрисану съ просьбою о предоставленіи ему Ветляинскаго прихода. Преосвященный, по словамъ покойнаго, принялъ его просьбу „любезно“ и 23 ноября 1875 г. рукоположилъ его во діакона, а 27, того же мѣсяца и года, во священника.

На повоиъ поприщѣ своего общественнаго служенія о. Матѣей, при нѣботорыхъ, какъ чловѣкъ, слабостяхъ, оказалса соотвѣтствующимъ своему званію, призванію и назначенію. Ровный характеръ, скромное и тихое обращеніе съ прихожанами, постоянное и неуклонное исполненіе всякихъ желаній прихожанъ, почти ежедневное служеніе литургіи, въ холодной деревянной церкви, по желанію прихожанъ, усердное проповѣданіе слова Божія (во всѣ воскресные и праздничные дни), собесѣдованіе, въ послѣ-обѣденное время, съ прихожанами; не опустительное и сердечное занятіе въ станичныхъ училищахъ, въ качествѣ Законоучителя и открытіе церковно-приходскаго попечительства—сдѣлали его очень и очень популярнымъ въ глазахъ прихожанъ и ближайшаго начальства: прихожане его любили, а ближайшее начальство всегда аттестовало его съ лучшей стороны. Покойный, М. Н., нужно впрочемъ сказать, недовольствовался тою дѣятельностію, о которой мы только что сказали, но, слѣдя, по возможности, по литературѣ, за требованіями современнаго русскаго общества отъ правосл. пастырей, онъ, въ минуты братскихъ утѣшеній и товарищеской откровенности, высказывалъ еще многое и многое и конечно исполнилъ-бы... Но Всевышній судилъ иначе.. При самомъ нача-

лѣ своего истинно пастырскаго служенія, М. Н., умеръ отъ истеченія крови чрезъ горло. Войсковой врачъ г. Дениеръ свидѣтельствуеть, что о. Матосей былъ жертвою свирѣпствовавшей въ ст. Ветлянкѣ болѣзни, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ говорятъ о томъ, что онъ и безъ того не могъ расчитывать на долговѣчность. Посѣтивъ его недѣли чрезъ 3—4, по его приездѣ на приходъ, мы слышали, изъ собственныхъ его устъ, жалобу на непопятную для него периодическую, рѣзкую, боль въ животѣ. Далѣе, въ 1876 г. при возвращеніи отъ Чернопярскаго купца Ив. Ал. Бровкина, живущаго въ 10 вер. выше ст. Ветлянки, на своемъ рыбномъ промыслѣ, гдѣ о. Гусакъ былъ со св. крестомъ, онъ былъ завезенъ пьянымъ кучеромъ верстѣ на 15 въ степь, гдѣ, при страшной мятели и сильномъ морозѣ, и провелъ ночь, нѣмъ на себѣ легкую одежду и обувь.... Какъ онъ не замерзъ—про то Господь вѣдаетъ, но только съ тѣхъ поръ онъ постоянно жаловался на боль въ спинѣ, въ плечу, съ лѣвой стороны, которая потомъ стала охватываться и на груди, появился сначала сухой кашель, а потомъ и кровавый; усилилась вмѣстѣ съ тѣмъ и боль въ животѣ, дошло наконецъ до того, что онъ рѣшительно не могъ переносить ни сильнаго холода, ни сильнаго жара. Такъ въ 1878 г. 9 мая, въ храмовой праздникѣ, съ нимъ едѣвалось такъ дурно, что его чуть не отпѣсли домой, гдѣ, только благодаря энергіи мѣстнаго фельдшера, онъ приведенъ былъ въ доброе состояніе и хотя дослужилъ литургію, но здоровье его становилось все хуже и хуже. Къ октябрю онъ настолько уже былъ слабъ, что когда атаманъ станицы явился къ нему съ приглашеніемъ—отслужить молебны въ церкви, по случаю возвращенія казаковъ съ ратнаго поля, то онъ, ссылаясь на нездоровье, отказался. 8 ноября онъ рапортовалъ, по случаю не бытія на съѣздѣ, мѣстному благочинному, что онъ боленъ и лечится, хотя и продолжаетъ: соборовать чумныхъ, каютствовать ихъ, отпѣвать и про-длин-въ-день, согласно желанію прихожанъ, служить для горбичищихъ...

Да, это именно былъ пастырь добрый, *положившій душу свою за овцы своя...* Нѣтъ сомнѣнія, что о. Матосей заразился, дѣйствующею въ ст. Ветлянкѣ болѣзнію, но несомнѣнно и то, что и помимо этой причины—онъ стоялъ уже на краю могилы.

Священникъ Фавій Колмиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ оффиціальныи: 1) Высочайшій Манифестъ и указъ Св. Синода—о копчии Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владислава Константиновича. 2) Разныи извѣстія: Высочайшая награда. Утвержденіе въ должностяхъ, переименованіе и проч. Объявленіе. **Отдѣлъ неоффиціальныи:** 1) О дѣе достоятельности: свѣтской религіи въ дѣлѣ нашего спасенія; 2) Церковнои.

Редакторъ Я. Лебединскій.

Астрахань. 17 марта 1879 г. Губернская Типографія.

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[ГОДЪ ПЯТЫЙ.]

Выходить еженедѣльно по дюокре-
сильнѣмъ. Годовая цѣна съ пересылкою
и доставкою, равно и безъ пересылки
и доставки 6 руб.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи Епархіальныхъ Ведомостей, при
Астраханской Духовной Семинаріи,
въ г. Астраханѣ.

25-го марта 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Астраханская Духовная Консисторія слушала: отношеніе строительнаго от-
дѣленія Астраханскаго Губернскаго Правленія, отъ 31 января сего года за
№ 90, коимъ въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній, о томъ, что въ селе-
нн Кормовомъ, Черноярскаго уѣзда, окончена, по утвержденному 10 июля
1872 г. проекту, постройка церкви и въ ней производится уже Богослуже-
ніе безъ надлежащаго освидѣтельствованія ея въ прочности техникомъ, про-
сить Духовную Консисторію — свѣдѣть распоряженія объ освященіи вновь
устроенныхъ и перестроенныхъ церквей только по полученіи акта освидѣтель-
ствованія работъ, произведеннаго при участіи техника. Приказали: О
содержаніи настоящаго отношенія строительнаго отдѣленія Губернскаго Прав-
ленія напечатать для свѣдѣнія причтовъ и прихожанъ въ „Епархіальныхъ
Вѣдомостяхъ“; причемъ вмѣнить тѣмъ и другимъ въ обязанность, чтобы они
входили къ епархіальному начальству съ прошеніями объ освященіи вновь
устроенныхъ или перестроенныхъ церквей не прежде, какъ по освидѣтельствова-
ніи оныхъ техникомъ и съ приложеніемъ при нихъ актовъ свѣдѣтельства;
въ противномъ случаѣ ходатайства ихъ будутъ оставлены безъ послѣдствій.
На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства послѣдовала таковая: „1879
года февраля 28 дня. Исполнить“.

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателя* церковно-приходскаго попечительства Слободской Троицкой церкви, Царевского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Грищенко* и *членовъ* оного — крестьяне: Степанъ *Ромащенко* и Иванъ *Сименко* на трехлѣтіе [27 февраля]; *церковныхъ старостъ*: къ Красноярскому Владимірскому собору, — купеческій сынъ Іаковъ *Дмитріевъ* [8 марта] и къ церквамъ Царевского уѣзда: Покровской — Средне-Погроминской крестьянинъ Павелъ *Харчевъ*, Покровской-же Зайлаинской — крестьянинъ Савелій *Куріановъ*, и къ таковой-же Широкинскій Михаилъ *Корсаковъ* [28 февраля], изъ ихъ Дмитріевъ и Корсаковъ — на первое трехлѣтіе, а Харчевъ и Куріановъ — на 4-е трехлѣтіе.

— **Опредѣленъ** исправляющимъ должность псаломщика къ Аксайской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, воспитанникъ V класса Астраханской духовной семинаріи Василій *Касіевъ* [6 марта].

— **Перемѣщенъ** пасторъ кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Саворскій*, на таковую-же должность къ Полого-Займищенской Вознесенской церкви, Царевского уѣзда [6 марта].

— **Выдана сборная книга** крестьянамъ поселка Шандасты: Евтихію *Рвачеву* и Лебятію *Гладкову*, срокомъ на одинъ годъ, для сбора добровольныхъ пожертвованій по Астраханской епархіи, на постройку церкви въ означенномъ поселкѣ [1 марта].

— **Праздное мѣсто** пастора Кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда.

ОУДВЪ НЕОФОНЦІАЛЬИИ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Продолженіе) (1).

II. Правда философовъ древняго міра, по своимъ понятіямъ о религіи и правдивости, стояла выше простаго народа. Изслѣдивъ ученіе ихъ мы находимъ, что Юпитеръ, по ихъ мнѣнію, уже не тотъ вызолоченный колоссъ, предъ которымъ благоговѣла толпа, и боги ихъ не таковы, какими создали

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. N 11.

них поэты⁽¹⁾. При всемъ томъ и они не могли ни преподавать человечеству истинной религіи, ни поддержать нравственности, во всей чистотѣ, потому что и сами не имѣли о томъ точныхъ понятій.

Извѣстно, что главные предметы религіознаго ученія—Богъ, назначеніе человека и его безсмертіе—суть предметы сверхъестественные, до познанія которыхъ философы могли доходить, либо чрезъ наведеніе, либо чрезъ аналогію, такими способами, въ заключеніи конхъ всегда бываетъ болѣе, чѣмъ въ послыахъ. Явно, что, при этомъ условіи, безошибочныхъ познаній для нихъ и быть не могло. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ ни одной философской школы, которая-бы не погрѣшала, касательно важнѣйшихъ предметовъ религіи. Сколько исторія философіи представляетъ намъ мнѣній о Богѣ, изъ которыхъ одно другаго нелишье! Эпикуръ, наприм., училъ, что Богъ есть существо, праздное, ни мало не заботящееся о мірѣ⁽²⁾. Стоики утверждали, что онъ есть чистѣйшій эфиръ, находящійся въ верхнихъ слояхъ атмосферы⁽³⁾. Школа элейская проповѣдывала всебожіе⁽⁴⁾, и лучшіе изъ греческихъ философовъ не смѣли вѣрнато попятія о Богѣ, называли его, или образователемъ, тогда видимаго міра, какъ Платонъ⁽⁵⁾, или первымъ двигателемъ, какъ Аристотель⁽⁶⁾. Самъ Сократъ, о которомъ говорятъ, что онъ свелъ философію съ неба, въ предсмертныя минуты поручилъ принести жертву Эскулапу⁽⁷⁾; сдѣдовательно, кромѣ Бога истиннаго, признавалъ и боговъ черни... Есть основаніе думать, что какъ онъ, такъ и Платонъ, сливали Высочайшее Существо съ міромъ⁽⁸⁾.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: откуда міръ и человекъ, древніе фило-

(1) Платонъ изъявлялъ негодованіе на вымыслы поэтовъ, уничтожающіе божество. Vid. *polit...* Сократъ, насмѣхался надъ богами, обыкновенно клялся дубомъ, козломъ, или собакою. Диогенъ, равнымъ образомъ, насмѣхался надъ Геркулесомъ; а римскій циникъ Варронъ насчиталъ до трехъ сотъ безголовыхъ Юпитеровъ. См. Терт. Апол. гл. XIV; также у Лакт. на стр. 61.

(2) Cicero. de nat. deorum, lib. c. 17. Lucret. c. 5.

(3) Vid. inst. histor. Philos. Bruck. ст. 229. 9. 5.

(4) См. въ ист. высокопроевъ. Филарет. стр. 157.

(5) Tim. Tom. III. стр. 26. Cicero. Tuscul. quaest. lib. 1. c. 6.

(6) См. inst Hist. Philos. Bruck. ст. 197. 9. 19.

(7) См. Апол. Терт. стр. 92. Conf. Xenoph. de factis et dictis Socratis l. 1, c. 1.

(8) См. Tim. Tom. III. стр. 34.

боги также не могли дать вѣрнаго отвѣта⁽¹⁾, такъ-что, если вѣрить Цицерону, то почти все они разогласили между собою въ томъ: богами-ли съ самаго начала все сотворено, движется и управляется⁽²⁾.

Вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ былъ новымъ камнемъ претканин для философовъ. Мудрецъ персидскій Зороастръ утверждалъ, что отъ вѣчности существуютъ два равныя начала: доброе и злое, свѣтъ и тьма; поэтому зло неизбѣжно, какъ и добро⁽³⁾. Глава академіи, согласно началамъ своей философіи, думалъ, что зло происходитъ отъ злой вѣчной матеріи, которую Богъ никакъ не могъ сдѣлать доброю⁽⁴⁾. Зеновъ, основатель стоической школы, училъ, что добро и зло опредѣлены необходимою судьбою, и слѣдуютъ въ мірѣ по непрерывной связи причинъ и дѣйствій, какъ звѣнья въ цѣпи⁽⁵⁾. Камъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ, суть что набудь большіе мечты и выдумки, съ принятіемъ которыхъ, однакожъ, мы неизбѣжно должны отвергнуть понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества!

И касательно судьбы нашей за гробомъ, мы не находимъ въ древней философіи почти ничего утѣшительнаго⁽⁶⁾. Даже Сократъ, умершій въ уваже-

(1) Удалось все производило изъ воды: Aristot. Methaphys. lib. 1. c. 3. et Cicer. de natur. deor. lib. 1. c. 10. Анаксимандръ полагалъ въ основаніи вселенной единое неопредѣленное. См. очерк. истор. философ., по Рейнгольду на стр. 12. Анаксименъ первымъ началомъ всего признавалъ воздухъ. Inst. Hist. Philos. Bruck. стр. 132. § XI. Демокритъ и Эпикуръ — вѣяние атомы. Idem. стр. 265. § XVI, Платонъ утверждалъ, что міръ образованъ и только образованъ Богомъ изъ вѣчной матеріи (Plato in Philebo), и что душа человека, происходя изъ Бога, имѣетъ въ себѣ ничто матеріальное (in Philebo).

(2) Cicer. de nat. deor., lib. 1, c. 1.

(3) Jacob. Bruck, Inst. Hist. Philosoph. pag. 51. § XI. Conf. Sendanesta, ed. Kleukeri Th. 11. pag. 376.

(4) Plat. in Phileb. Plutar. de anim. procreat.

(5) Inst. Hist. Philosoph. Bruck. Physiolog. Stoic. § 5. стр. 220.

(6) Слостолюбивый Эпикуръ ограничиваетъ существованіе души здѣшнимъ міромъ, говоря, что не надо бояться смерти, потому что мертвый не чувствуетъ... См. очерк. истор. философ. по Рейнгольду на стр. 55. Стоики почитали безсмертіе проблемною: а у Платона и его послѣдователей ученіе о безсмертіи обезображено душенереселеніемъ, и скорѣе располагаетъ къ невѣрію въ наше за гробомъ существованіи, чѣмъ къ вѣрѣ.

ни къ нравственному достоинству своей природы, не сказалъ предъ смертію своею ничего дѣрнаго о ея послѣдствіи⁽¹⁾.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе философы древности и сами сдѣлавались въ ограниченности своихъ познаній въ дѣлѣ религіи: „благочестію, говоритъ Платонъ, никто не можетъ научить людей, если не самъ Богъ, придетъ на землю, какъ вождь и паставникъ“⁽²⁾. И Сократъ говоритъ Алкивиаду: „необходимо нужно ожидать наставника, который-бы научилъ насъ, какъ должно вести себя достойно предъ Богомъ и людьми“⁽³⁾. На то-же указываетъ и Цицеронъ, когда говоритъ: „не сознается-ли самій лучшій и глубокомысленный изъ философовъ, что онъ многого не знаетъ, и что ему нужно учиться, да учтсья“⁽⁴⁾...

Обращая вниманіе на способъ, которымъ руководствовались философы, при изложеніи своего ученія, мы видимъ, что онъ полагалъ новую преграду къ распространенію познаній о предметахъ религіи.

Между крѣпкими философами господствовало мнѣніе, что правильное понятіе о религіи и въ особенности о единомъ Виновиатѣ всего существующаго, можетъ быть удѣломъ не многихъ мужей, достигшихъ высокаго умственнаго развитія; а простой народъ почитался неспособнымъ возвышаться надъ суевѣріемъ. Цицеронъ прямо говоритъ, что философія довольствовалась не многими судьями, и съ намѣреніемъ удалалась черпа⁽⁵⁾. Варронъ, одинъ изъ ученѣйшихъ римлянъ, разсуждая о религіи, выразился такъ: „много есть истиннаго, что народу знать полезно, и много ложнаго, о чемъ народу бесполезно думать иначе“⁽⁶⁾. Само-собою разумѣется, что руководимые такимъ предразсудкомъ философы, хотя усматривали нелѣпность народныхъ мнѣній, однако не вооружались со всею ревностію противъ суевѣрія, утвержденнаго

(1) Друзья, говорилъ онъ, настала часъ разлуки: мнѣ должно умереть, а вамъ жить. Кому изъ насъ лучше будетъ—этого, кромѣ Бога, никто не знаетъ. *Plat. in Apoloh. Socrat.* Смерти не бойтесь: она подобна, или глубочайшему сну, или послѣ ея все уничтожается. *Plutarch. in Consolat. ad. Apd. vid. l. VI p. 408.*

(2) *Plat. in Epimenid, pag. 111.*

(3) *Alcibiad. 11. p. 1. r. 2. pag. 296.*

(4) *Cicer. in quaest. Tuscul. lib. 111. Conf. Jambli. in vita Pythagor. c. 82. Quae Deo grata sunt, scire difficillimum est, nisi quis vel Deum ipsum, vel eum, qui Deum audivit, audiverit.*

(5) *Cicer. de divinat. lib. XXII.*

(6) *August. de civit. Dei. lib. IV. c. 10.*

временемъ и навывкомъ. Да едва-ли бытъ, хоть одинъ изъ нихъ, который-бы въ дѣлѣ религіи рѣшился идти на перекоръ своему вѣку. Сократъ, имѣвшій болѣе другихъ возвышенные помысли о Богѣ, одобрялъ однакожъ отвѣтъ дельфійскаго оракула: „боговъ, согласно законамъ общества, должно почитать“ и, если вѣрить Ксенофонту, то поставляя даже въ обязанность „каждому въ дѣлѣ религіи слѣдовать своей землѣ⁽¹⁾!“. А Платонъ настаивалъ, чтобы „въ вѣрѣ принятой ничего не было измѣняемо“⁽²⁾. Говоря о Богѣ, сотворившемъ міръ, онъ сказывалъ, что трудно Его найти, и запрещалъ объявлять о Немъ пароду, общаясь и самъ говорить о Немъ не иначе, какъ загадками, изъ опасенія подвергнуть эту великую истину посмѣянію⁽³⁾. Наконецъ, Цицеронъ, посвященный, какъ авгуръ, во все мистеріи своей религіи, хотя въ 3-й книгѣ о естествѣ боговъ рѣшительно отвергаетъ идолослуженіе, однакожъ тѣмъ не менѣе внушаетъ, чтобы установленія жрецовъ (pontificum) и авгуровъ были соблюдаемы⁽⁴⁾. Все это ведетъ къ тому заключенію, что подобныя люди, содержащи истину въ неправдѣ (Рим. 1. 18), и познавши Бога, не хотѣли и не могли быть наставниками рода человеческого въ дѣлѣ религіи (Рим. 1, 21).

Но не имѣя ни расположенія, ни возможности сообщать человѣчеству истинныя понятія о религіи, древніе философы тѣмъ менѣе могли содѣйствовать исправленію и его нравственности. Это доказываетъ и жизнь ихъ и правоученіе.

Не говоря уже о эпикурейцахъ, кпренаикахъ и циникахъ, правила которыхъ были притчею въ глазахъ самихъ язычниковъ, водившихся болѣе возвышенными помыслами, мы могли-бы указать на слабыя стороны жизни даже корифеевъ языческой мудрости⁽⁵⁾; но чистота, требуемая Евангеліемъ, побуждаетъ насъ опустить завѣсу надъ дѣлами тьмы: довольно замѣтить съ апостоломъ, что *предиде* ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту: *во еже осквернитися тѣлесемъ ихъ съ собою самихъ* (Рим. 1, 24; Евес. 4, 17—20). Цицеронъ, по тщательномъ изслѣдованіи жизни филосо-

(1) Воспомин. Ксеноф. кн. 10.

(2) Плат. о зак. 5.

(3) Письмо 2-е къ Діонисію. Conf. Cic. de natur. deor. Lib. 111, стр. 2.

(4) Conf. de legibus. Lib. 11. cap. 3.

(5) Senec. de vita beat. cap. 10.

фовъ, дѣлаетъ о нихъ далеко не лестные отзывы: „какой, философъ, говоритъ онъ, жилъ такъ, какъ требовало того разумъ?... Кто изъ нихъ былъ послушенъ своему уму и правиламъ?... Одни были преданы сребролюбію, другіе тщеславію, а иные другимъ страстямъ, такъ-что ихъ живыи и ученіе удивительно какъ разногласятъ между собою“⁽¹⁾.

Но если правила нравственности, внушаемыя философами, не были ни по могли быть оправданы собственною ихъ жизнью, то могли-ли они имѣть силу и важность для другихъ? Не вправд-ли былъ всякій спавать такимъ наступникамъ: *врачу исцѣлится самъ* (Лук. 4, 23)? И всегда-ли возвышенныи и поногрѣнимы были эти правила? Не большая-ли часть изъ нихъ вронпнпута самыми трубами заблужденіямъ? Такъ, это, говоря словами св. Амвросія, только снаружи было золото; если-же посмотрѣть во внутрь (*intus*), то находимъ только руду⁽²⁾.

Самоубійство, противъ котораго такъ рѣшительно возстаетъ христіанская нравственность, одобрялось, даже славными въ своемъ родѣ мужами древности, а стоики отзывались о немъ, какъ о самомъ достохвальному поступку, прбславляя, какъ нѣчто такое, за исполненіе чего должно благодарить бо-

(1) Tuscul. quaest. lib. 11. c. 4.

(2) См. Epist. 82. И у Эпикура есть трактатъ (*liber*) о святости говорить съ насильною Цицеронъ; по какой бытъ святости тамъ, гдѣ дѣлами человѣчекими управляютъ не боги? Хотя-бы никогда не было такого бога, который не жаждетъ ни благодарности, ни любви людской. Да у лучшихъ представителей стоической школы—наряду съ прекрасными правилами, читаемъ: наживайтесь друзьями, наживайтесь! наживайтесь, гдѣ можно, честно, и гдѣ иѣтъ-зя, тамъ какъ ни пошло наживайтесь; а о добродѣтели уже почти подумаемъ. Цицеронъ, вовсе не спавивъ насъ надъ собою: онъ не столь мужественъ. Онъ поддерживается отъ удовольствій, потому что не можетъ ницъ наслаждаться: мы—потому что не хотимъ. Онъ ииъ страдалицъ—превыше ихъ!... (Vid. Horat! o Cives! *quaerenda paecunia primum, virtus post nummos; rem facias, rem, si possis recte, si non, quocunque modo rem!*..) Senec. Epist. V. de providentia b. Или мудрый, говоритъ Сенека, не предается никогда соблазнаю. Сожалѣніе; старухами и дѣвочками престоупно принимаемое за добродѣтель, пороку... Мудрый никогда не прощаетъ. (*Misericordia est aegritudo animi... Sapiens non miseretur... non ignoscit*). Эти слова Сенеки (*Conf. de Clementia 11. 4, 5 и 6*) выражаютъ чистое ученіе стоиковъ, какъ оно утверждено Цицерономъ (*Tuscul. quaest. 4*) и оспорено блж. Амвросіемъ, (о градѣ Бож. 1. XIV). И не на гордости-ли основана вся мнѣня сила стоицизма? По-крайней-мѣрѣ, чѣмъ другимъ объяснимъ себя слова Сенеки?

говы⁽¹⁾. И употреблять ложь, особенно въ отношеніи къ простыкамъ, мудрецу также не вліялось въ безчестіе⁽²⁾.

Болше можетъ нравиться нравственность Платона: она пробуждала иногда въ сердцахъ почитателей его сильное стремленіе ко всему высокому и благородному. Но справедливость требуетъ сказать, что и его нравственный принципъ невзыятъ отъ заблужденій: не одобряя, напр., пьянство въ обыкновенные дни, въ день празднованія Бахуса, онъ не находилъ предосудительнымъ упиться до излишества⁽³⁾; въ супружествѣ позволялъ имѣть общіхъ жонъ⁽⁴⁾, даже родныхъ сестеръ⁽⁵⁾; и одобрялъ подкидываніе дѣтей. Самъ Сократъ училъ Теодотію визкому искусству — обольщать юношей⁽⁶⁾. До такой степени, сбивчивъ и новѣропы взглядъ философовъ древности на самыя коренныя правила жизни!

Заключимъ изслѣдованія наши о не удовлетворительности естественной религіи, столь разительна высказавшейся въ ученіи и жизни древнихъ мудрецовъ; словами Канта, который говоритъ: „я не нахожу въ древней философіи ни нистаго понятія о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ и какъ о нравственномъ виновникѣ и правителѣ міра, ни основанія истинной нравственности, которая у стоиковъ является слишкомъ суровою, а у эпикурейцевъ слишкомъ слабою⁽⁷⁾. Такой отзывъ о скудныхъ плодахъ древней философіи, для образованія современнаго ей человечества, сдѣланный однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ разума, весьма ясно указываетъ на недостаточность самаго рационализма, который почитаетъ по нуажно откровенную религію, при религии естественной.

Впрочемъ, для естественной религіи настала лучшій періодъ, со времени христіанства. Идеи ея видію обогородилась. Но и въ этомъ періодѣ своего развитія, какъ мало представляла она основаній для познанія истины! Чему учить насъ, наприм., философія французская, развивавшаяся до революціи

(1) Cicer. de fin. 1. 11, §. 18.

(2) Vid. stob. 1. стр. 230.

(3) Плат. о зак. lib. 6.

(4) Плат. о поср. lib. 4.

(5) Dialog. 5 in Republ.

(6) Vid. Xenoph. de dictis et factis mirab. 1. IV. стр. 2.

(7) Vid. Lenisech. Beschreiben an Spalding pag. 55, 92. Conf. Institut. Theol. Feier. T. 8. p. 70.

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателя* церковно-приходскаго попечительства Слободской Троицкой церкви, Царевского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Гриценко* и *членовъ* оного — крестьяне: Степанъ *Ромащенко* и Иванъ *Сименко* на трехлѣтіе [27 февраля]; *церковныхъ старостъ*: къ Красноярскому Владимірскому собору, — купеческій сынъ Іаковъ *Дмитріевъ* [8 марта] и къ церквамъ Царевского уѣзда: Покровской — Средне-Погроминской крестьянинъ Павелъ *Харчевъ*, Покровской-же Зайлаинской — крестьянинъ Савелій *Куріановъ*, и къ таковой-же Широкинскій Михаилъ *Корсаковъ* [28 февраля], изъ ихъ Дмитріевъ и Корсаковъ — на первое трехлѣтіе, а Харчевъ и Куріановъ — на 4-е трехлѣтіе.

— **Опредѣленъ** исправляющимъ должность псаломщика къ Аксайской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, воспитанникъ V класса Астраханской духовной семинаріи Василій *Касіевъ* [6 марта].

— **Перемѣщенъ** настоятель кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Саворскій*, на таковую-же должность къ Полого-Займищенской Вознесенской церкви, Царевского уѣзда [6 марта].

— **Выдана сборная книга** крестьянамъ поселка Шандасты: Евтихію *Рвачеву* и Лебятію *Гладкову*, срокомъ на одинъ годъ, для сбора добровольныхъ пожертвованій по Астраханской епархіи, на постройку церкви въ означенномъ поселкѣ [1 марта].

— **Праздное мѣсто** настоятеля Кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда.

ОУДВѢДЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Продолженіе) (1).

II. Правда философы древняго міра, по своимъ понятіямъ о религіи и правдивности, стояла выше простаго народа. Изслѣдывая ученіе ихъ мы находимъ, что Юпитеръ, по ихъ мнѣнію, уже не тотъ вызолоченный колоссъ, предъ которымъ благоговѣла толпа, и боги ихъ не таковы, какими создали

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. N 11.

них поэты⁽¹⁾. При всемъ томъ и они не могли ни преподавать человечеству истинной религіи, ни поддержать нравственности, во всей чистотѣ, потому что и сами не имѣли о томъ точныхъ понятій.

Извѣстно, что главные предметы религіознаго ученія—Богъ, назначеніе человека и его безсмертіе—суть предметы сверхъестественные, до познанія которыхъ философы могли доходить, либо чрезъ наведеніе, либо чрезъ аналогію, такими способами, въ заключеніи конхъ всегда бываетъ болѣе, чѣмъ въ послыкахъ. Явно, что, при этомъ условіи, безошибочныхъ познаній для нихъ и быть не могло. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ ни одной философской школы, которая-бы не погрѣшала, касательно важнѣйшихъ предметовъ религіи. Сколько исторія философіи представляетъ намъ мнѣній о Богѣ, изъ которыхъ одно другаго нелишье! Эпикуръ, наприм., училъ, что Богъ есть существо, праздное, ни мало не заботящееся о мірѣ⁽²⁾. Стоики утверждали, что онъ есть чистѣйшій эфиръ, находящійся въ верхнихъ слояхъ атмосферы⁽³⁾. Школа элейская проповѣдывала всебожіе⁽⁴⁾, и лучшіе изъ греческихъ философовъ не смѣли вѣрнѣе попятія о Богѣ, называлъ его, или образователемъ, тогда видимаго міра, какъ Платонъ⁽⁵⁾, или первымъ движителемъ, какъ Аристотель⁽⁶⁾. Самъ Сократъ, о которомъ говорятъ, что онъ свелъ философію съ неба, въ предсмертныя минуты поручилъ принести жертву Эскулапу⁽⁷⁾; сдѣдовательно, кромѣ Бога истиннаго, признавалъ и боговъ черни... Есть основаніе думать, что какъ онъ, такъ и Платонъ, сливали Высочайшее Существо съ міромъ⁽⁸⁾.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: откуда міръ и человекъ, древніе фило-

(1) Платонъ изъявлялъ негодованіе на вымыслы поэтовъ, уничтожающіе божество. Vid. *polit...* Сократъ, насмѣхался надъ богами, обыкновенно клялся дубомъ, козломъ, или собакою. Диогенъ, равнымъ образомъ, насмѣхался надъ Геркулесомъ; а римскій циникъ Варронъ насчиталъ до трехъ сотъ безголовыхъ Юпитеровъ. См. Терт. Апол. гл. XIV; также у Лакт. на стр. 61.

(2) Cicero. de nat. deorum, lib. c. 17. Lucret. c. 5.

(3) Vid. inst. histor. Philos. Bruck. ст. 229. 9. 5.

(4) См. въ ист. высокопроевъ. Филарет. стр. 157.

(5) Tim. Tom. III. стр. 26. Cicero. Tuscul. quaest. lib. 1. c. 6.

(6) См. inst Hist. Philos. Bruck. ст. 197. 9. 19.

(7) См. Апол. Терт. стр. 92. Conf. Xenoph. de factis et dictis Socratis l. 1, c. 1.

(8) См. Tim. Tom. III. стр. 34.

боги также не могли дать вѣрнаго отвѣта⁽¹⁾, такъ-что, если вѣрить Цицерону, то почти все они разогласили между собою въ томъ: богами-ли съ самаго начала все сотворено, движется и управляется⁽²⁾.

Вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ былъ новымъ камнемъ претканин для философовъ. Мудрецъ персидскій Зороастръ утверждалъ, что отъ вѣчности существуютъ два равныя начала: доброе и злое, свѣтъ и тьма; поэтому зло неизбѣжно, какъ и добро⁽³⁾. Глава академіи, согласно началамъ своей философіи, думалъ, что зло происходитъ отъ злой вѣчной матеріи, которую Богъ никакъ не могъ сдѣлать доброю⁽⁴⁾. Зеновъ, основатель стоической школы, училъ, что добро и зло опредѣлены необходимою судьбою, и слѣдуютъ въ мірѣ по непрерывной связи причинъ и дѣйствій, какъ звѣнья въ цѣпи⁽⁵⁾. Камъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ, суть что набудь большіе мечты и выдумки, съ принятіемъ которыхъ, однакожъ, мы неизбѣжно должны отвергнуть понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества!

И касательно судьбы нашей за гробомъ, мы не находимъ въ древней философіи почти ничего утѣшительнаго⁽⁶⁾. Даже Сократъ, умершій въ уваже-

(1) Удалось все производило изъ воды: Aristot. Methaphys. lib. 1. c. 3. et Cicer. de natur. deor. lib. 1. c. 10. Анаксимандръ полагалъ въ основаніи всѣхъ явленій единое предѣленное: См. очерк. истор. философ., по Рейнгольду на стр. 12. Анаксименъ первымъ началомъ всего признавалъ воздухъ. Inst. Hist. Philos. Bruck. стр. 132. § XI. Демокритъ и Эпикуръ — вѣяніе атомы. Idem. стр. 265. § XVI, Платонъ утверждалъ, что міръ образованъ и только образованъ Богомъ изъ вѣчной матеріи (Plato in Philebo); и что душа человека, происходя изъ Бога, имѣетъ въ себѣ ничто матеріальное (in Philebo).

(2) Cicer. de nat. deor., lib. 1, c. 1.

(3) Jacob. Bruck, Inst. Hist. Philosoph. pag. 51. § XI. Conf. Sendanesta, ed. Kleukeri Th. 11. pag. 376.

(4) Plat. in Phileb. Plutar. de anim. procreat.

(5) Inst. Hist. Philosoph. Bruck. Physiolog. Stoic. § 5. стр. 220.

(6) Слостолюбивый Эпикуръ ограничиваетъ существованіе души здѣшнимъ міромъ, говоря, что не надо бояться смерти, потому что мертвый не чувствуетъ... См. очерк. истор. философ. по Рейнгольду на стр. 55. Стоики почитали безсмертіе проблемною: а у Платона и его послѣдователей ученіе о безсмертіи обезображено душепереселеніемъ, и скорѣе располагаетъ къ невѣрію въ наше за гробомъ существованіи, чѣмъ къ вѣрѣ.

ни къ нравственному достоинству своей природы, не сказалъ предъ смертію своею ничего дѣрнаго о ея послѣдствіи⁽¹⁾.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе философы древности и сами ссзпавались въ ограниченности своихъ познаній въ дѣлѣ религіи: „благочтенію, говоритъ Платонъ, никто не можетъ научить людей, если не самъ Богъ, придетъ на землю, какъ вождь и паставникъ“⁽²⁾. И Сократъ говоритъ Алкивиаду: „необходимо нужно ожидать наставника, который-бы научилъ насъ, какъ должно вести себя достойно предъ Богомъ и челоуѣками“⁽³⁾. На то-же указываетъ и Цицеронъ, когда говоритъ: „не сознается-ли самій лучшій и глубокомысленный изъ философовъ, что онъ многого не знаетъ, и что ему нужно учиться, да учтсья“⁽⁴⁾...

Обращая вниманіе на способъ, которымъ руководствовались философы, при изложеніи своего ученія, мы видимъ, что онъ полагалъ новую преграду къ распространенію познаній о предметахъ религіи.

Между крѣпкими философами господствовало мнѣніе, что правильное понятіе о религіи и въ особенности о единомъ Виновиатѣ всего существующаго, можетъ быть удѣломъ не многихъ мужей, достигшихъ высоаго умственнаго развитія; а простой народъ почитался неспособнымъ возвышаться надъ суевѣріемъ. Цицеронъ прямо говоритъ, что философія довольствовалась не многими судьями, и съ намѣреніемъ удалалась черпн⁽⁵⁾. Варронъ, одинъ изъ ученѣйшихъ римлянъ, разсуждая о религіи, выразился такъ: „много есть истиннаго, что народу знать полезно, и много ложнаго, о чемъ народу бесполезно думать иначе“⁽⁶⁾. Само-собою разумѣется, что руководимые такимъ предразсудкомъ философы, хотя усматривали нелѣпность народныхъ мнѣній, однако не вооружались со всею ревностію противъ суевѣрія, утвержденнаго

(1) Друзья, говорилъ онъ, настала часъ разлуки: мнѣ должно умереть, а вамъ жить. Кому изъ насъ лучше будетъ—этого, кромѣ Бога, никто не знаетъ. Plat. in Apoloh. Socrat. Смерти не бойтесь: она подобна, или глубокайшему сну, или послѣ ея все уничтожается. Plutarch. in Consolat. ad. Apd. vid. l. VI p. 408.

(2) Plat. in Epimenid, pag. 111.

(3) Alcibiad. 11. p. 1. r. 2. pag. 296.

(4) Cicer. in quaest. Tuscul. lib. 111. Conf. Jambl. in vita Pythagor. c. 82. Quae Deo grata sunt, scire difficillimum est, nisi quis vel Deum ipsum, vel eum, qui Deum audivit, audiverit.

(5) Cicer. de divinat. lib. XXII.

(6) August. de civit. Dei. lib. IV. c. 10.

временемъ и навывкомъ. Да едва-ли бытъ, хоть одинъ изъ нихъ, который-бы въ дѣлѣ религіи рѣшился идти на перекоръ своему вѣку. Сократъ, имѣвшій болѣе другихъ возвышенные помысли о Богѣ, одобрялъ однакожъ отвѣтъ дельфійскаго оракула: „боговъ, согласно законамъ общества, должно почитать“ и, если вѣрить Ксенофону, то поставлялъ даже въ обязанность „каждому въ дѣлѣ религіи слѣдовать своей землѣ⁽¹⁾!“. А Платонъ настаивалъ, чтобы „въ вѣрѣ принятой ничего не было измѣняемо“⁽²⁾. Говоря о Богѣ, сотворившемъ міръ, онъ сказывалъ, что трудно Его найти, и запрещалъ объявлять о Немъ пароду, общаясь и самъ говорить о Немъ не иначе, какъ загадками, изъ опасенія подвергнуть эту великую истину посмѣянію⁽³⁾. Наконецъ, Цицеронъ, посвященный, какъ авгуръ, во все мистеріи своей религіи, хотя въ 3-й книгѣ о естествѣ боговъ рѣшительно отвергаетъ идолослуженіе, однакожъ тѣмъ не менѣе внушаетъ, чтобы установленія жрецовъ (pontificum) и авгуровъ были соблюдаемы⁽⁴⁾. Все это ведетъ къ тому заключенію, что подобныя люди, содержащи истину въ неправдѣ (Рим. 1. 18), и познавши Бога, не хотѣли и не могли быть наставниками рода человеческого въ дѣлѣ религіи (Рим. 1, 21).

Но не имѣя ни расположенія, ни возможности сообщать человѣчеству истинныя понятія о религіи, древніе философы тѣмъ менѣе могли содѣйствовать исправленію и его нравственности. Это доказываетъ и жизнь ихъ и правоученіе.

Не говоря уже о эпикурейцахъ, кпренаикахъ и циникахъ, правила которыхъ были притчею въ глазахъ самихъ язычниковъ, водившихся болѣе возвышенными помыслами, мы могли-бы указать на слабыя стороны жизни даже корифеевъ языческой мудрости⁽⁵⁾; но чистота, требуемая Евангеліемъ, побуждаетъ насъ опустить завѣсу надъ дѣлами тьмы: довольно замѣтить съ апостоломъ, что *преданіе* ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту: *во еже осквернитися тѣлесемъ ихъ съ собою самихъ* (Рим. 1, 24; Евес. 4, 17—20). Цицеронъ, по тщательномъ изслѣдованіи жизни филосо-

(1) Воспомин. Ксеноф. кн. 10.

(2) Плат. о зак. 5.

(3) Письмо 2-е къ Діонисію. Conf. Cic. de natur. deor. Lib. 111, стр. 2.

(4) Conf. de legibus. Lib. 11. cap. 3.

(5) Senec. de vita beat. cap. 10.

фовъ, дѣлаетъ о нихъ далеко не лестные отзывы: „какой, философъ, говоритъ онъ, жилъ такъ, какъ требовало того разумъ?... Кто изъ нихъ былъ послушенъ своему уму и правиламъ?... Одни были преданы сребролюбію, другіе тщеславію, а иные другимъ страстямъ, такъ-что ихъ живыи и ученіе удивительно какъ разногласятъ между собою“⁽¹⁾.

Но если правила нравственности, внушаемыя философами, не были можно было оправданы собственною ихъ жизнью, то могли-ли они имѣть силу и важность для другихъ? Не вправдъ-ли былъ всякій спавать такимъ наступникамъ: *врачу исцѣлится самъ* (Лук. 4, 23)? И всегда-ли возвышенныи и поногрѣнныи были эти правила? Не большая-ли часть изъ нихъ вронпнпута самыи трубами заблужденіямъ? Такъ, это, говоря словами св. Амвросія, только снаружи было золото; если-же посмотрѣть во внутрь (*intus*), то находимъ только руду⁽²⁾.

Самоубійство, противъ котораго такъ рѣшительно возстаетъ христіанская нравственность, одобрялось, даже славными въ своемъ родѣ мужами древности, а стоики отзывались о немъ, какъ о самомъ добродѣльномъ поступкѣ, прбславляя, какъ нѣчто такое, за исполненіе чего должно благодарить бо-

(1) Tuscul. quaest. lib. 11. c. 4.

(2) См. Epist. 82. И у Эпикура есть трактатъ (*liber*) о святости говорить съ насильною Цицеронъ; по какой бытъ святости тамъ, гдѣ дѣлами человѣчекими управляютъ не боги? Хоть-бы никогда не было такого бога, который не жаждетъ ни благодарности, ни любви людской. Да у лучшихъ представителей стоической школы—наряду съ прекрасными правилами, читаемъ: наживайтесь друзьями, наживайтесь! наживайтесь, гдѣ можно, честно, и гдѣ иѣтъ-зя, тамъ какъ ни пошло наживайтесь; а о добродѣтели уже почти подумаемъ. Цицеронъ, вовсе не спавивъ насъ надъ собою: онъ не столь мужественъ. Онъ поддерживается отъ удовольствій, потому что не можетъ ницъ наслаждаться: мы—потому что не хотимъ. Онъ иѣтъ-срадаи: мы—превыше ихъ!... (Vid. Horat! o Cives! quaerenda paecunia primum, virtus post nummos; rem facias, rem, si possis recte, si non, quocunque modo rem!..) Senec. Epist. V. de providentia b. Или мудрый, говоритъ Сенека, не предается никогда соблазнаю. Сожалѣніе; старухами и дѣвочками престоупно принимаемое за добродѣтель, пороку... Мудрый никогда не прощаетъ. (*Misericordia est aegritudo animi... Sapiens non miseretur... non ignoscit*). Эти слова Сенеки (*Conf. de Clementia 11. 4, 5 и 6*) выражаютъ чистое ученіе стоиковъ, какъ оно утверждено Цицерономъ (*Tuscul. quaest. 4*) и оспорено блж. Амвросіемъ, (*о градѣ Бож. 1. XIV*). И не на гордости-ли основана вся мнѣня сила стоицизма? По-крайней-мѣрѣ, чѣмъ другимъ объяснимъ себя слова Сенеки?

говы⁽¹⁾. И употреблять ложь, особенно въ отношеніи къ простыкамъ, мудрецу также не вліялось въ безчестіе⁽²⁾.

Болше можетъ нравиться нравственность Платона: она пробуждала иногда въ сердцахъ почитателей его сильное стремленіе ко всему высокому и благородному. Но справедливость требуетъ сказать, что и его нравственный принципъ невзыятъ отъ заблужденій: не одобряя, напр., пьянство въ обыкновенные дни, въ день празднованія Бахуса, онъ не находилъ предосудительнымъ упиться до излишества⁽³⁾; въ супружествѣ позволялъ имѣть общихъ жонъ⁽⁴⁾, даже родныхъ сестеръ⁽⁵⁾; и одобрялъ подкидываніе дѣтей. Самъ Сократъ училъ Теодотію визкому искусству — обольщать юношей⁽⁶⁾. До такой степени, сбивчивъ и новѣропы взглядъ философовъ древности на самыя коренныя правила жизни!

Заключимъ изслѣдованія наши о не удовлетворительности естественной религіи, столь разительна высказавшейся въ ученіи и жизни древнихъ мудрецовъ; словами Канта, который говоритъ: „я не нахожу въ древней философіи ни нистаго понятія о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ и какъ о нравственномъ виновникѣ и правителѣ міра, ни основанія истинной нравственности, которая у стоиковъ является слишкомъ суровою, а у эпикурейцевъ слишкомъ слабою⁽⁷⁾. Такой отзывъ о скудныхъ плодахъ древней философіи, для образованія современнаго ей человечества, сдѣланный однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ разума, весьма ясно указываетъ на недостаточность самаго рационализма, который почитаетъ по нуажно откровенную религію, при религии естественной.

Впрочемъ, для естественной религіи настала лучшій періодъ, со времени христіанства. Идеи ея видію обогородилась. Но и въ этомъ періодѣ своего развитія, какъ мало представляла она основаній для познанія истины! Чему учить насъ, наприм., философія французская, развивавшаяся до революціи

(1) Cicer. de fin. 111, §. 18.

(2) Vid. stob. 1. стр. 230.

(3) Плат. о зак. lib. 6.

(4) Плат. о рещ. lib. 4.

(5) Dialog. 5 in Republ.

(6) Vid. Xenoph. de dictis et factis mirab. 1. IV. стр. 2.

(7) Vid. Lenisech. Beschreiben an Spalding pag. 55, 92. Conf. Institut. Theol. Feier. T. 8. p. 70.

въ средѣ, такъ называемыхъ, энциклопедистовъ? Не самому ли грубому материализму, издѣвавшемуся надъ всѣмъ духовнымъ? Парижская академия — представительница высшей европейской учености XVIII ст. — торжественно отвергла бытие Бога⁽¹⁾. Современный намъ де-Саси, въ предисловіи къ двумъ томамъ своей духовной библиотеки, говоритъ: «въ философіяхъ жонхипеіяхъ; по большей части, меня удивляетъ то, что, желая поменить основанія, онѣ всего чаще приводятъ къ послѣдствіямъ обратнымъ». Тайна не въ точкѣ отправленія, а въ выводахъ, которые касаются насъ гораздо ближе. Пантеизмъ, всеобоготворяющій, уничтожаетъ различіе между добротами и зломъ. Сенсуализмъ переходитъ въ глубокомъ эгоизмѣ. Скептицизмъ, оставаясь среди сомнѣній, невозможно, требуетъ отъ человѣческой природы, жаждущей знанія, върваній, чтобы она только дышала, мыслила и дѣйствовала. И философы Германіи, мудруясь *по стихіямъ міра; а не по Христу* (Кол. 2, 9), далеко ли оставили за собою язычниковъ въ изслѣдованіи о Богѣ? Слѣдя за развитіемъ ихъ мыслей о Существов. высочайшемъ, находимъ, что нѣкоторые изъ нихъ святоотечественно постигли на самое единство существа Бога, столь долго и столь побѣдоносно опорищаемое разумомъ и многобожіи, и раздробили его на разные виды множественности. Мало этого: они взяли міръ, оняши у него начало и стали вводить его различными способами въ составъ Божественной природы, думая чрезъ то объяснить непостижимую тайну жизни Божественной. Такимъ образомъ, Творца поставили въ зависимость отъ каждой твари, какъ необходимой для подножя его бытія. И тутъ безпредѣльный начинаетъ у нихъ вмѣстѣ съ міромъ подлежать развитіямъ, постепенностямъ, усовершенствованіямъ! Но, что всего богопротивнѣе, такъ какъ міръ теперь подлѣжитъ несовершенствамъ, то и эти несовершенства должили отразиться въ образѣ бытія Божественнаго, какъ неизбежно условіе жизни и совершенствъ Божественныхъ⁽²⁾. Въ такой-то несходный мракъ заходитъ мудрость человѣческая, мудруясь о Богѣ — безъ Бога!

(1) Bernard. des Pierre oeuvres. T. 1. p. 245. D. X. кн. IV. отд. I.

(2) Вообще новѣйшая философія въ Германіи носитъ на себѣ характеръ пантеизма. Тѣмъ наприм., по взгляду Фихте, духовныя недѣланныя суть формы, въ которыхъ проявляется Богъ — всеобъемлющая жизнь (См. очерк. филос. по Рейнгольду, стр. 182). По мысли Шеллинга: „природа есть основаніе божественнаго бытія, Богъ въ своемъ самодыновеніи“⁽¹⁾ Призывалъ, такимъ образомъ, во всемъ обнаруженіе всеобщей и единой жизни; Шеллингъ отвергъ чрезъ это въ существахъ разумныхъ личность и съ нею все счастье и блаженство цари. (Conf. Schelling. Philosoph. schrif. pag. 429). По системѣ Фехеля: „иже Божество“

Богооткровенная религія есть величайшее сокровище рода человеческого и составляет существенную потребность какъ мудреца, такъ и невѣжды, а потому ея внушенія должны быть понятны всѣмъ и каждому. Но такъ-ли религія предлагаемая цовѣйшею философіею? Кто изъ неосвященныхъ въ тайны науки пойметъ эту неопредѣленность и сбивчивость въ понятіяхъ? Кто согласитъ эти безконечныя разногласія, которыя приводятъ въ недоумѣнію даже опытныхъ въ дѣлѣ философіи? „Ни въ логическихъ, ни въ философскихъ познаніяхъ нашего времени, говоритъ Ваконъ, нѣтъ ничего здраваго...; почти все оно фантастично и худо опредѣлено⁽²⁾. Весьма важное заблужденіе заключается въ удаленіи наукъ отъ ихъ истинной цѣли... Не можете быть, чтобы правильно совершался ходъ тамъ, гдѣ неправильно указана самая цѣль⁽³⁾. Но если-бы и была опредѣлена цѣль наукъ, то къ ней нельзя прійти тѣмъ путемъ и посредствомъ тѣхъ методовъ, которые нынѣ въ употребленіи: человека мыслящаго они поражаютъ своею нецѣлесообразностью⁽⁴⁾.

въ томъ смыслѣ, какъ признаетъ его здравый смыслъ: ея Богъ есть диалектическая всеобщность, осуществляющаяся въ душахъ человеческихъ“... „Безъ человека и міра—Богъ не былъ-бы, Нольъ“ (Hehels Religions Philosoph. Т. XI. pag. 140. Т. XII. p. 151, 330). И такъ, возвышая природу до божественности, Гегель унизилъ Существо верховное до бездушныхъ тварей!...

(1) Даже въ самомъ понятіи о религіи разногласятъ новѣйшіе философы. По мысли, наприм., Канта, она есть признаніе практическаго закона—за законъ божественный; Фихте доставляетъ се въ убѣжденіи о порядкѣ міра нравственнаго; по мнѣнію Шеллинга, она есть умственное содержаніе Божества безусловнаго и происходящее отъ сего стремленіе къ Его подобію (Conf. Inst. Theolog. Feier. Fom. VII. 37, 38). „О непосредственной религіи говоритъ Гегель, думаютъ, что она должна быть самою истинною, самою превосходною, божественною религіею; и что она должна быть исторически первою. По нашему взгляду, она есть самая несовершенная, а отъ того и первая, тогда какъ по вышесказанному представленію, она хотѣ первая; однакожь самая послѣдняя“. Отвергая потомъ понятіе о первоначальнѣйшѣ совершенствѣ человека, онъ такъ понимаетъ первоначальное состояніе: „состояніе невинности есть то, въ которомъ для человека нѣтъ еще ничего добраго, ни злаго“... „Соотвѣственно такому началу, у него нѣрвыя формы религіи есть религія природы, раскрывающаяся, какъ религія волютебога (дикарей и Китаей), потомъ какъ религія фантазіи (индійская) и наконецъ, какъ религія свѣта (зороастрова) и загадки (египетская). За тѣмъ слѣдуютъ религіи духовной индивидуальности (иудейская, эллинская и римская) и наконецъ абсолютная религія (христіанская), представляющая съ точки зрѣнія его системы. Vorlesungen über die Philosophie der Religion. 1832. В. 1. pag. 190, 193.

(2) N. org. 1. Aph. 15.

(3) N. org. 1. Aph. 81 и 82.

(4) N. org. 1. Aph. 82, 105. И многолики были послѣдователи Канта, Фихте, и Гегеля—послѣдователи таковыхъ, но-бы вносили достижимы мысли своего представителя? Какъ

Наконецъ, философы, ограничиваясь одними естественными началами познания, и сами не усвоивъ своему учению характера свыше человеческого. Между тѣмъ, въ дѣлѣ религій, которой должны подчиняться и разумъ и совѣсть человека, что значитъ авторитетъ только человеческiй? Совершенно ничто! — Потому что каждый изъ насъ имѣетъ право и способность думать, что проповѣдникъ религiи есть такой-же человекъ, какъ и мы, и, следовательно, какъ другой, — не имѣетъ власти надъ совѣстью подобнаго себѣ. Безцрельная попытка со стороны теофилактритизма, поучавшагося въ прошломъ столѣтiи, во Францiи, подрывать знамя естественной религiи, на развалинахъ религiи откровенной⁽¹⁾, какъ нельзя лучше доказала справедливость словъ блаж. Августина, что безъ вышшаго авторитета не можетъ быть истинной религiи⁽²⁾.

И такъ скудные источники земной мудрости, окошко бы ни углубляли ихъ никогда не дадутъ воды живою (Евр. 2, 18). Възъ Сына не узнаютъ Отца, а его познаетъ только тотъ, кому Сынъ открытъ, восхожденъ (Матѣ. 11, 27). Сомнѣвающимся въ этой несомнѣнной истинѣ, довольно указать на тотъ длинный рядъ философовъ, отъ Фалеса до позднѣйшихъ философовъ, которые, подобно столпамъ, стоящимъ при пути, ясно указывали только то, что надо было революцiи, каждый изъ нихъ отстоялъ отъ истины религiи, сами-же собою не довели, или довели, по-мнѣнiю, ни до богопознания, ни до благоугожденiя Господу (Рим. 1, 21, 22, 3, 10, — 18).

(Окончанiе будетъ).

Аристотель никогда не сводилъ до себя incertus morior; такъ и послѣднiй долау, своимъ явномъ противорѣчiемъ съ здравымъ смысломъ Гегель не сознался ли горжеественно, въ предсмертныя минуты, что никто его не понималъ? Voyez Revue des Deux mondes, T. 1, стр. 19, janvier, 1843.

(1) Conf. Staudem Beytrage zur Philosophie und Geschichte der Relig. 1. Th. p. 222, sq. 111. Th. § 368. Conf. Ayt. Reveillere Lepaux-Parissis. Не потребная женщина, говоритъ Маколей, воссади на богатыхъ креслахъ въ алтарь собора Notre Dame, принимала поклоненiе нѣсколькихъ тысячъ людей, которые восклицали: наконецъ-то въ первый разъ древнiе готическiе своды обомалились каменъ истинныхъ. Смотр. полное собранiе счтенiй Маколей, Томъ III.

(2) August. de utilitate credendi — c. q. Religio vera sine quodam gravi auctoritatis imperio nullo modo miri recte potest.

УДѢЛЪ НЕОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Окончаніе). (1)

III. Впрочемъ всеблагій Творецъ не далеко отъ каждаго изъ насъ (Дѣян. 17, 27). Невидимая бо Его—приспосужающая сила и божество (Рим. 1, 20) изъ вѣка въ вѣкъ видима не только въ природѣ вѣшней (Пс. 18, 2—5. Прем. 13, 15. Дѣян. 14, 15, 17), но и во внутренней—въ духѣ нашемъ. (Рим. 1, 19; 2, 15).

Сколько представляется въ видимомъ мірѣ явленій, и все они могутъ выплывать безсмертный духъ нашъ отъ видимаго къ незримому и, такимъ образомъ, содѣйствовать къ единенію съ Богомъ! Но кто изъ неозаренныхъ свѣтомъ откровенія пойметъ этотъ возвышенно таинственный языкъ природы, которымъ *день дни отпрыгаетъ глаголз и ночь ночи возвышаетъ разумз* (Пс. 18, 3)? Чье око *невыскашившихъ ильмии Бога въ разумз* (Рим. 1, 28) прочтетъ славу Божию, столь ярко сияющую на тверди небесной (Пс. 18, 1—5)? И мы видѣли, что *мірз своею мудростію не позналз Бога—въ премудростіи Божіей* (Кор. 1, 26).

Неоспоримо и то, что въ нашей внутренней природѣ есть непреодолимое влеченіе къ истинѣ, добру и блаженству. Между тѣмъ совершеннѣйшей истины, высочайшаго добра и чистѣйшаго блаженства не находимъ нигдѣ мы. Искать свѣта истины и осязать тьму, желать добра и встрѣчать непреодолимыя препятствія на пути къ нему, не находить въ себѣ силъ, чтобы не погрязнуть въ пучинѣ страстей, стремиться, наконецъ, съ открытымъ и жаждущимъ сердцемъ къ блаженству и на каждомъ шагѣ встрѣчать непріятности, печали и грусть безотрадную: вотъ что составляло и составляетъ доселѣ удѣлъ чловѣка, оставленнаго собственному подительству! Откуда-же этотъ *илз* законъ въ членахъ нашихъ, *противоходящій закону ума нашего и нлтъяющій его закономз грѣховнымз* (Рим. 7, 23)? Отъ чего *не живемз въ насъ добро?* *Еже бо хотѣти прилежитз намз, но еже содѣлати добро, не обрѣтаемз* (Рим. 7, 18)? Отъ чего теперь каждый искушается, увлекается и обольщается собственно похотію (Іак. 1, 14)? При-

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 11 и 12.

томъ и слово *Вожіе* (Іов. 14, 45. Пс. 5, 7. Іоан. 3, 6. Рим. 5, 12, 18—19) и собственный нашъ опытъ показываютъ, что мы не сами только собою начинаемъ грѣшить, а рождаемся уже съ наклопностью къ грѣху; эта наклопность сама влечетъ къ злу и служитъ орудіемъ искушеній. Отъ чего же такое неправильное отношеніе между чувственною и духовною нашею природою?—Всѣ существа неодушевленные и неразумныя вполнѣ достигаютъ своего развитія и находятъ на землѣ все нужное для удовлетворенія естественнымъ своимъ потребностямъ; а человекъ, этотъ царь, превознесенный надъ всѣмъ видимымъ созданіемъ и назначенный возносить къ престолу Всевышняго жертву хвалы и благодаренія, одинъ только живетъ и дѣйствуетъ вопреки своему назначенію и, нося въ груди небесныя надежды, съ вѣчною жаждою вѣчнаго блаженства, погребаетъ ихъ въ могилѣ! *Что сіе еже о насъ бысть таинство? Како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, како спадѣ вселелпный вѣнецъ съ главы нашея* (Плач. Іер. 4, 1; 5, 15)? *Благов Господь всяческиихъ и щедроты Его на оскѣз дѣлъхъ Его* (Пс. 144, 9): быть-же не можетъ, чтобы Онъ, всеблагій и премудрый, былъ виновникомъ такого въ насъ неестественнаго превращенія. И такъ, на отрѣкаясь отъ здраваго смысла, мы должны сознаться, что человекъ, какъ существо свободное, имѣющее волю стремиться къ соединенію съ Богомъ и не стремиться, самъ былъ причиною настоящаго своего состоянія, и что это состояніе ему неестественно.

Нужно-ли говорить, послѣ этого, что такъ называемая естественная религія, какъ религія, основанная на ослабленныхъ—поврежденныхъ—силахъ человека, не можетъ поднять насъ на высоту того первобытнаго величія, съ котораго мы низпали? *Скорѣе, конечно, воіоняланихъ перелитиихъ свою кожу и рысь пестрыя платна свои, чѣмъ кривое само собою исправится въ нашей природѣ* (Іер. 13, 23. Еккл. 1, 15), потому-что, по словамъ апостола Іакова, *не течетъ изъ одного отверстія источника и сладкая и горькая вода и соленый источникъ не можетъ изливать сладкую воду* (Іак. 3, 12). Каково древо, таковы и плоды: *древо доброе плоды добры творитъ, а древо злое плоды злы творитъ* (Матѣ. 7, 17).

Правда, что въ человекѣ и по паденіи не изгладился образъ Божій, по которому онъ созданъ для истины и правды (Ефес. 4, 24). Есть въ глубинѣ нашего сердца голосъ, который прямо и безыскусственно вѣщаетъ намъ

объ истинѣ, правотѣ и счастіи: это голосъ внутренняго чувства, „установленіе нашей души, по самой природѣ—христіанской“⁽¹⁾. Въ важнѣйшіи истины: бытіе Бога, безсмертіе души, нравственныя предписанія—эти истины возвышаются намъ въ живомъ чувствѣ гораздо прежде, чѣмъ успѣемъ познать ихъ разумомъ. Даже въ бѣдственные минуты сомнѣнія, когда все вокругъ насъ, надъ нами и въ насъ самихъ готово обрушиться, даже и въ эти минуты, чувство остается вѣрнымъ стражемъ вѣроныхъ ему сокровищъ. Какъ небесный гость оно посѣщаетъ насъ тогда и, приведши въ гармонию все силы душевныя, опять скрывается. Но уже потому самому, что въ чувствѣ все дается намъ первоначально, дается въ смѣланномъ и безразличномъ видѣ, что оно перѣдко возмущается движеніемъ страстей,—чувство, какъ чувство, не можетъ быть вѣрнымъ средствомъ и порукою въ дѣлѣ религіи. Не свидѣтельствуетъ-ли намъ и опытъ, что человекъ можетъ иногда и прекрасно чувствовать, можетъ имѣть доброе сердце и, при всемъ томъ, поступать, какъ часто и бываешь, очень худо?

Есть у насъ, впрочемъ, способность переводить темный языкъ чувства на языкъ понятій: мы говоримъ о разумѣ, тѣмномъ зеркалѣ истины. Но справедливость требуетъ замѣтить, что сколь ни высоко зданіе понятій, построеннаго разумомъ, а все еще оно далеко недостаетъ до неба,—до того Единого, въ Которомъ заключено все. Притомъ извѣстно по опыту, что въ глубинѣ сердца, по-крайней-мѣрѣ, безопасно покоится религіозное чувство, подобно перлу драгоцѣнному, лежащему на днѣ морскомъ. Не то бываешь, когда оно переходитъ въ область разсудка: подвергая изслѣдованію это чувство и не будучи въ состояніи обнять его полноты своимъ ограниченнымъ взглядомъ,—разсудокъ перѣдко видоизмѣняетъ и преобразовываетъ его по своему. Отсюда противорѣчіе мнѣній, касательно однихъ и тѣхъ-же предметовъ религіи, противорѣчіе, перѣдко оканчивающееся тѣмъ, что разсудокъ остается одинъ на печальнѣ-опустѣломъ поприщѣ сознанія. Критическія опыты Швцера и Канта вполнѣ доказали: чего можно ожидать религіи отъ этой способности. „Какъ жаль, говоритъ Тертуліанъ, что Аристотель изобрѣлъ діалектику и—искусство спорить, равно способное и доказывать и опровергать: это настоящій Протей въ своихъ системахъ, весьма странный и въ

(1) См. Апол. Тертул. въ 17 гл. *testimonium animae, naturaliter Christianae.*

догадкахъ и въ выборѣ предметовъ, противорѣчацій самому себѣ и непре-
станно разрушающей то, что творить“ (1).

Припомнимъ однако-же, что въ душѣ нашей есть и гораздо высшая спо-
собность, сохранившая въ себѣ стремленіе къ истинѣ (Рим. 1, 19): это —
разумъ. Быстры и высрени его полеты; размѣры велики; потребности не-
ограниченны. Но чтобы разумъ человѣческій, безъ руководства откровенной
религии, могъ, при своей ограниченности, привести къ верховной истинѣ, для
этого, при всей своей прозорливости и здравомъ сужденіи, онъ долженъ быть
свободенъ отъ всѣхъ предразсудковъ и имѣть неутомимое вниманіе и рев-
ность; тогда только позрится въ немъ святой образъ истины, подобно тому,
какъ на гладкой поверхности воды отражается солнце. Но кто изъ смерт-
ныхъ, имѣлъ постоянно и умъ свѣтлый и сердце, въполнѣ проникнутое любо-
вію къ истинѣ? Многіе-ли даже обращаютъ вниманіе на то, чтобы имѣть
Господа Бога въ своемъ разумѣ (Рим. 1, 28). и, что всего хуже, не боль-
шая-ли часть людей водится разумомъ, будучи не въ состояніи дать
себѣ отчетъ въ вѣщахъ даже обыкновенныхъ? Мало-ли и такихъ, которыхъ
душа, занимаясь земнымъ, житейскимъ, тлѣннымъ, наконецъ, и сама земле-
нѣтъ и исполняется крушенія и суетности? Не съ молокомъ-ли матери вѣ-
мы всасываемъ заблужденія?

Но положимъ, что разумъ, рано или поздно, представилъ-бы чело-
вѣку основательную систему религии: и тогда онъ удовлетворилъ-бы только одну
изъ потребностей нашей духовной природы. Чѣмъ-же удовлетворить онъ дру-
тому, не менѣе настоятельному требованію нашей души: чувству виновности
предъ Богомъ, по которому, и узнавъ путь въ лоно Отца небеснаго, грѣш-
никъ не осмѣлился-бы идти къ своей вождѣльной цѣли? Дѣйствуя подъ
вліяніемъ свободы, давно уже преступившей свои границы, разумъ самъ со-
бою не можетъ достигнуть той высоты, чтобы достигнуть и усвоить себѣ одну
изъ сокровѣннѣйшихъ тайнъ Божіихъ (1 Кор. 2, 7. 8. 9; 1 Петр. 6, 2).
Онъ въ этомъ случаѣ подобенъ тому левиту и священнику, которые, увидѣвъ
человѣка, обнаженнаго и израненнаго разбойниками, подошли къ нему, по-
смотрѣли и, не оказавъ ему помощи, прошли мимо (Лук. 10, 30—38).

Такое состояніе разума въ чело-
вѣкѣ ясно показывается, какъ должна быть
слаба наша воля. И дѣйствительно, отторгнись отъ воли Божіей и стоя подъ
руководствомъ склоннаго къ заблужденіямъ этого вождя, она потеряла свое

(1) Смотри. Апост. Тертул. въ 17 гл. 16.

истинное направлѣніе и посетитъ теперь по безднамъ творенія, не зная, гдѣ остановиться; хотѣла-бы все подчинить себѣ, и, вмѣсто того, сама подчиняется всему; идетъ вопреки порядку природы и тѣмъ дѣйствуетъ на погибель себѣ и другимъ. Подъ тяжестью этого бѣдствія стонутъ всѣ грѣшники, представляющіе изъ себя жалкихъ рабовъ чувственности. Кто-же освободитъ нашу волю отъ склонности къ злу, отъ преобладанія чувствъ и страстей? Добродѣтель сама по себѣ предполагаетъ побѣду; но какъ трудна эта побѣда въ человѣкѣ не облагодатствованномъ, въ которомъ плоть господствуетъ надъ духомъ, въ волѣ котораго не живетъ добро, а зло живетъ и дѣйствуетъ непрестанно и сильно? Кто-же поддержитъ человѣка въ столь неравной борьбѣ со грѣхомъ? Кто поможетъ ему вознестись надъ самимъ собою? — Свѣтъ естественныхъ познаній? Но онъ никогда почти не согрѣваетъ сердца: видитъ истину и сокрываетъ ее въ неправдѣ. Чувство красоты, добродѣтели и отвращенія къ пороку? Но это благородное чувство, въ естественномъ человѣкѣ, какъ искра, тѣвющая въ льдѣ, мало имѣетъ силы и подавляется страстями. *Соуслаждаюся бо, говоритъ апостоль Павелъ, Закоу Божию во внутреннему человеку: вижу-же илѣ законѣ во удѣхъ моихъ, противостоющѣ закоу зми моего, и палляющѣ мѣ закоу грѣховнымъ, сущемъ во удѣхъ моихъ* [Рим. 7, 18—19; 22, 23]. Совѣтъ, оправдывающа человѣка за добро, и осуждающа за зло? Дѣйствительно, какъ искра въ кремнѣ, она таетъ въ душѣ даже отъвлеченнаго злодѣя. Но что значить голосъ ея, въ жару сильной страсти, тамъ, гдѣ идетъ дѣло о нашей чести и славѣ, гдѣ нашей добродѣтели угрожаетъ несчастіе, а порокъ вѣпчается? Что значить ея голосъ, когда надобно идти на переکورъ духу времени, сопровождаемому нерѣдко разными родами нечестія, которыя, подобно тѣнямъ, приходятъ и переходятъ, вопреки духу того или другаго народа, того или другаго сословія; что значить, говорю, ея голосъ при встрѣчѣ съ этими, всегда болѣе или менѣе враждебными духами по отношенію къ религіи? При томъ, не всегда-ли помощна, а нерѣдко и *сожжена*, бываетъ *совѣсть* у людей не возрожденныхъ [1 Тим. 4, 2]?

Сильно, правда, можетъ трогать душу и располагать къ добродѣтели мысль о воздѣ-присутствіи верховнаго Законодателя и предчувствіе тѣхъ наградъ, или наказаній, какія ожидаютъ насъ за могилдой. Но какъ разумъ имѣетъ только общія понятія о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни и не въ состояніи опредѣлить: вѣчны-ли эти награды и наказанія, или только

временныя; то при сильномъ влеченіи ко грѣхамъ, они теряютъ всю почти силу надъ волею. Кто-же укрѣпитъ человѣка въ добрѣ, требующемъ подвига, непріятнаго для чувственности, и научить гнупаться *запинающимъ насъ грѣхомъ* [Евр. 12, 1], если ни разумъ, побуждающій его къ добродѣтели, ни совѣтъ, обличающій за порокъ,—не имѣютъ надъ нимъ силы [Рим. 7, 14—15]? Откровенная религія указываетъ слабому на *Начальника и Совершителя нашей вѣры Иисуса* [Евр. 12, 2], *могущаго спострадати немощамъ нашимъ* [Евр. 4, 15], на цѣлый сонмъ праведниковъ, подобно звѣздамъ небесной тверди, сіяющимъ разными добродѣтелями; выходитъ на встрѣчу изнемогающей вѣрѣ и добродѣтели съ богослуженіемъ и таинствами, съ постановленіями и законами, простирающимися не только на дѣла, но и на мысли сердечныя и, укрѣпивъ его такимъ образомъ силою Божию, содѣлываетъ *иго его благимъ и бремя его легкимъ* [Матѣ. 11, 30]. Но ни примѣровъ таковыхъ, ни богослуженія, ни таинства съ отradio утѣшительнымъ догматомъ объ Искупителѣ, естественная религія не представляетъ и чрезъ то необходимо останавливаетъ въ человѣкѣ развитіе духовной жизни, подобно той жестокосердой матери, которая, съ минуты рожденія, оставляетъ плодъ своего чрева безъ крова и щипца...

Говорятъ, что родъ человѣческой, какъ и каждый человѣкъ, не есть неподвижное и чуждое переменѣ цѣлое: уже самое понятіе о жизни заключаетъ въ себѣ понятіе о движеніи,—и исторія свидѣтельствуетъ, что съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе оиъ развивается въ своихъ силахъ: разумъ зрѣетъ, науки и искусства усовершеняются, общества человѣческія растутъ и укрѣпляются. При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что старшій, ранѣе созрѣвшій народъ, не всегда бываетъ учителемъ слѣдующаго за нимъ поколѣнія. Молодое племя часто должно приниматься за свое дѣло, такъ сказать, съ самаго начала и проходить весь процессъ развитія, не смотря на то, что прежній народъ, по мѣрѣ силъ и способностей, давно уже кончилъ свой путь. Присматриваясь ближе, наприм., къ умственнымъ напряженіямъ въ средніе вѣка, невольно удивляемся съ перваго взгляда, зачѣмъ это западная Европа съ такимъ трудомъ добивалась, съ такими усиліями допытывалась до первыхъ началъ знанія, когда болѣе пятнадцати вѣковъ тому назадъ уже жили Платонъ, Аристотель, Теофрастъ, Фукидидъ и др. великіе гении греческаго народа? Нашу образованность никакъ нельзя назвать развитіемъ и продолженіемъ образованности только древнихъ: новая эпоха взяла

для своего храма лишь несколько камней паз развалинагося храма древности; она выстроила себѣ новый храмъ и строила его почти съ фундамента. Новое человечество достигло постоянной степени своей образованности по многимъ окольнымъ путямъ; процессъ развитія его былъ длинный, утомительный⁽¹⁾. Разсмотрѣвъ всю сумму образованія своей эпохи, съ строгою критикою, Ваконъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „кто читалъ со вниманіемъ, говорить оныя, ученныя книги, тому часто приходилось повторять одно и то же, только въ различныхъ выраженіяхъ: на первый взглядъ тутъ очень много, а на самомъ дѣлѣ весьма мало⁽²⁾“. Познаніе наши почти всё отъ грековъ⁽³⁾; пужно совершенно отчаяться въ изслѣдованіи истины, если мы останемся при этомъ скудномъ наследствѣ⁽⁴⁾. Съ другой стороны, свою-ли силою производить человекъ лучшее на землѣ? Не христіанство-ли, источникъ и хранитель нравственной жизни, своимъ благотворнымъ вліяніемъ приводитъ теперь все въ равновѣсіе, сообщая мощную силу человеческой немощи? Что представлялъ Римъ, Афины во дни Августа, Перикла, въ вѣкъ славы и блеска, безъ христіанства? Какое и теперь представляютъ зрѣлище, не говори о язычествующихъ и магометанскихъ народахъ, блуждающихъ во тьмѣ и сѣни смертной и быстро склоняющихся къ паденію; — даже самыя образованныя изъ государствъ, но скудныя духомъ истинной вѣры Христовой? Но хаосъ-ли и то грозное бореище враждебныхъ силъ, за которымъ слѣдуетъ скорбь и тѣснота, горе и гибель? „Мы живемъ, говорятъ одинъ изъ современныхъ намъ писателей Франціи, во время всеобщаго и глубокаго кризиса европейской цивилизаціи и христіанскаго міра. Истины и заблужденія всякаго рода брошены, какъ ни-попало, въ пламябующее горнило нашего вѣка и клокочутъ тамъ въ ужасномъ смѣшеніи. Божественная истина, духъ христіанства борется съ духомъ міра, съ духомъ язычества, вездѣ, — и въ глубинѣ совѣсти каждаго, и въ семейныхъ жилищахъ, и въ народныхъ собраніяхъ и при алтаряхъ святилищъ, и въ общественной жизни народовъ и человечества. Легкомысленно и поверхностно судятъ тѣ, которые думаютъ, что борьба идетъ только на поверхности, которые видятъ

(1) См. въ 1 кн. Русск. Вѣстникъ, за 1859 г. статью г. Хвольсона: памятники древней вавилонской письменности.

(2) Praef. Nov. organ.

(3) N. org. 1. Aph. 8.

(4) N. org. Aph. 71.

туть одно столкновение матеріальныхъ выгодъ, политическихъ интригъ, лихо-радного честолюбія, — и ничего не видятъ далѣе вопросовъ политической экономіи, труда рабочихъ, воспитанія, общественнаго устройства, а всю заботливость свою сосредоточиваютъ только на вѣщности, — на тѣлѣ, на собственности, на обществѣ, на интересахъ земной жизни. Съ умомъ мыслящимъ и сердцемъ неиспорченнымъ, какъ не понять, что зло сильно и глубоко, что оно господствуетъ внутри, перепутало самыя начала производить опустошенія въ самомъ средоточіи внутренней жизни — въ дунѣ, распространя тамъ мракъ, унижающій насъ до состоянія безсловесныхъ, подрывая тамъ самыя благородныя убѣжденія, ослабляя самыя живыя чувствованія, закрывая святость долга и возбуждая гордое сознаніе права, воспламеня желанія, однимъ словомъ — отрубая змѣи и связуя ангела!! Чего ни дѣлали для уврачеванія недуговъ нашего времени? Административныя мѣры всякаго рода, новыя законы, новыя формы правленія, сила, страхъ, новыя способы образованія, огромныя труды промышленности, гражданскія реформы, народное представительство, цѣля революціи — все приводимо было въ дѣйствіе!.. Употребляли въ дѣло — славу, деспотизмъ, свободу, матеріальное благоденствіе. Проповѣдывали сепуализмъ, спиритуализмъ, еклектизмъ; — разрабатывали литературу, науку, искусства; провозгласили атеизмъ, филантропію, деизмъ, господство и свободу вѣроисповѣданій!.. При всемъ этомъ, наши раны ужаснѣе, чѣмъ когда нибудь!.. Откуда же придетъ наше спасеніе? Отъ вѣры, отъ жизни по вѣрѣ! Человѣкъ, у котораго ни въ сердцѣ, ни въ умѣ, ни въ волѣ, нѣтъ Бога, къ чему прильпнуть, какъ не къ дикому произволу гордаго, ненавидящаго, наглаго эгоизма, который самъ для себя бываетъ средоточіемъ и богомъ!⁽¹⁾

Итакъ, чтобы человѣчество въ цѣломъ, или въ частяхъ, достигло когда либо возможнаго совершенства въ будущемъ, надобно, чтобы указанъ былъ къ тому истинный путь, а не путь естественной религіи, пролегающій по зыбкой и бесплодной почвѣ поврежденной нашей природы, въ составъ которой входятъ теперь два противоположныя начала, или, по выраженію, св. Апостола, закона: законъ грѣха и законъ Божій (Рим. 7, 22—23). Такъ-какъ оба эти начала развиваются теперь вмѣстѣ съ развитіемъ жизни челоѣка и челоѣчества, при видимомъ перевѣсѣ зла (Рим. 7, 14—21), обращающаго

(1) *Essence du Christianisme, traduit de l'allemand, sur la troisieme edition par Sarelenuex Preface. p. XIV—XVII. Спес. 2 номеръ Дух. Вѣстд. за 1858 г.*

въ органъ служенія себѣ умъ и волю человека падшаго: то ясно, что избавить человека отъ этого закона грѣховнаго не можетъ никакой процессъ развитія человечества, безъ благодатныхъ даровъ и средствъ, предлагаемыхъ откровенною религіею. Только при содѣйствіи послѣдней, въ ибдрахъ св. православной церкви, можетъ *совершенъ* быть *Божій человекъ и на всяко дѣло благое уготованъ*. (2 Тим. 3, 17).

Епископъ Герасимъ.

Разныя Извѣстія.

Миссіонерская дѣятельность по обращенію калмыковъ въ Астраханской епархіи⁽¹⁾.

Усиленная въ послѣдніе годы миссіонерская дѣятельность въ Астраханской епархіи начинаетъ приносить желаемые плоды. Въ отчетномъ году тамъ просвѣщено вѣрою Христовою 390 калмыковъ обоаго пола, — что по сравненію съ прежними, почти всегда одиночными обращеніями калмыковъ къ христіанству, представляетъ явленіе замѣчательное. Наиболье замѣчальнымъ успѣхомъ христіанскаго проповѣдь сопровождалась въ Малодербетевской степи, куда командированы были два миссіонера — іеромонахи Гавріиль и Анатолій. Здѣсь, именно въ урочищѣ Нойнѣ-Ширѣ-Вислурту, приняли христіанство 273 калмыка (90 кибитокъ) и въ томъ числѣ одинъ гецюль, 23 лѣтъ, находившійся при Ильдючиновомъ большомъ хорулѣ. Такому успѣху евангельской проповѣди, по отзыву пресвященнаго Астраханскаго, способствовало между прочимъ и то обстоятельство, что неоднократныя ходатайства астраханскаго комитета миссіонерскаго общества предъ правительствомъ объ отводѣ земель для осѣдлаго поселенія крещенныхъ калмыковъ были, наконецъ, удовлетворены и для поселенія ихъ положено отводить земли отдѣльно отъ ихъ единоплеменниковъ-язычниковъ. Съ приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры, польза которой давно уже сознавались епархіальнымъ начальствомъ и мѣстнымъ комитетомъ миссіонерскаго общества, калмыки, по принятіи христіанства, освобождаются отъ всякаго вліянія на нихъ инородческихъ язычествующихъ властей, а этимъ устраняется одно изъ препятствій къ распространенію между ними христіанства. Получивъ свѣдѣніе объ обращеніи къ свѣту истинной вѣры

(1) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1877 годъ.